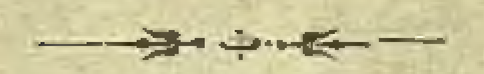

Изъ жизни

УГАСАЮЩАГО

ПЛЕМЕНИ.

(ВЪ ЗАЩИТУ ИНОРОДЦЕВЪ).

ТОМСКЪ

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1899.

Изъ жизни

УГАСАЮЩАГО ПЛЕМЕНИ

(ВЪ ЗАЩИТУ ИНОРОДЦЕВЪ).

ТОМСКЪ
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.
1899.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 4-го декабря 1898 года.

Предисловіе.

Въ послѣднее время во многихъ органахъ печати провинціальныхъ и столичныхъ обращено серьезное вниманіе на положеніе инородцевъ, быстро исчезающихъ съ лица земли при столкновеніи съ цивилизаціей высшей расы. Всѣ согласны съ тѣмъ, что инородческій вопросъ—вопросъ не послѣдней важности, по крайней мѣрѣ для Сибири и имѣетъ полное право претендовать на нѣкоторое вниманіе общества и правительства. Какъ примѣръ сужденія столичной печати объ инородческомъ вопросѣ, приведу въ короткой выдержкѣ мнѣніе газеты „Сынъ Отечества" (№ 182—1898 года), основанное на статьяхъ по тому же вопросу, помѣщенныхъ въ „Сибирской Жизни".

Положеніе инородцевъ.

Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ взялъ на свою совѣсть судьбу покоренныхъ имъ инородческихъ племенъ, а между тѣмъ на вопросъ: что сдѣлано для инородцевъ, по прежнему приходится отвѣчать: къ стыду нашему, почти ничего. По прежнему дикость и нищета составляютъ традиціонный удѣлъ инородца, по прежнему мрутъ они какъ мухи, и цѣлыя племена, цѣлыя народности вымираютъ.

„Въ Туруханскомъ краѣ, говоритъ „Сиб. Жизнь“, съ 1763 по 1816 г. вымерло $^3/_4$ инородческаго населенія. Подобную же судьбу имѣли: котты, хайданы, шелаги, акюиты, маторы, асаны и нѣкоторыя другія племена, имена которыхъ даже остались неизвѣстны. „Инородецъ,— говоря словами Н. М. Ядринцева,—добывающій и соболей и чернобурыхъ лисицъ, бобровъ и горностаевъ, носящій у груди своей драгоцѣннѣйшіе мѣха, не въ состояніи обогрѣться и мерзнетъ въ тундрахъ, коченѣетъ отъ холода въ лѣсахъ; вылавливая огромныхъ осетровъ, нельмъ, щукъ, семгу, налимовъ и стерлядей, онъ страдаетъ нерѣдко отъ голода и съѣдаетъ своихъ собакъ“ (Сибирь какъ колонія). Не только отъ голода мретъ инородецъ, а и отъ массы болѣзней, неминуемо сопутствующихъ такимъ условіямъ жизни, какъ голодъ и холодъ, и не менѣе того отъ болѣзней и культурныхъ пріобрѣтеній, какія онъ можетъ насчитать въ результатѣ пріобщенія и общенія съ народностью высшей культуры—сифилисъ, оспа, пьянство и т. п. Все это доводитъ инордца до положенія, иногда прямо не поддающагося воображенію“.

Это усилившееся въ послѣднее время вниманіе общества и печати къ инородческому вопросу даетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ читателями, интересующимися вопросомъ объ инородцахъ, моими наблюденіями жизни инородцевъ крайняго сѣверо-востока и вымиранья ихъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ очеркѣ наблюденія эти изложены въ беллетристической формѣ

и вниманье читателя не утомляется цифрами и разсужденіями; въ тоже время наблюденія эти въ общемъ даютъ понятіе о причинахъ вымиранія бродячихъ инородцевъ. Насколько удачно я исполнилъ эту задачу въ предлагаемомъ очеркѣ,—судить не мнѣ. Не скрою однако, что одно обстоятельство придаетъ мнѣ бодрости. Обстоятельство это слѣдующее: очеркъ мой написанъ уже давно, сейчасъ же по пріѣздѣ моемъ изъ Колымскаго края въ 1895 году, и до сихъ поръ лежалъ у меня. Естественно, что я слѣдилъ за всѣмъ, что появлялось въ доступной мнѣ періодической печати объ инородцахъ, чтобы узнать, насколько мои наблюденія сходятся съ наблюденіями болѣе компетентныхъ и авторитетныхъ знатоковъ затрогиваемаго вопроса. Съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія я убѣдился, что выводы мои о причинахъ вымиранія инородцевъ сходятся съ выводами такихъ ученыхъ, какъ напр. д-ръ Гутъ и др.

Издавая настоящій очеркъ, я не задаюсь широкими цѣлями; я желалъ-бы только возбудить въ читателяхъ чувство сожалѣнія къ несчастнымъ аборигенамъ окраинъ Сибири.

А. К.

Олекминскъ,
27 августа 1898 г.

I.

Вольная жизнь въ лѣсахъ.

Тологонскій бродячій родъ тунгусовъ съ незапамятныхъ временъ обиталъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, среди пустынныхъ неизслѣдованныхъ горъ и былъ, по своему, счастливъ. Во всемъ обширномъ мірѣ, простиравшемся за предѣлами лѣсовъ, никто не зналъ о существованіи бродячаго рода, кромѣ исправника, взымавшаго съ него ясакъ и снабжавшаго его порохомъ и свинцомъ, нѣсколькихъ купцовъ, имѣвшихъ съ нимъ торговыя связи, и миссіонера, которому родъ дарилъ ежегодно бѣлокъ и лисицъ—своего рода дань, за то, чтобы онъ не вмѣшивался во внутреннюю жизнь бродячаго рода, не мѣшалъ ему поклоняться своимъ древнимъ богамъ. Вся пустыня была полна этихъ боговъ; они царили въ ней, посылали бурю, дождь, снѣгъ, сердито грохотали въ небѣ громами, сверкали огненными очами изъ-за тучъ; они покровительствовали промысламъ людей, охраняли оленей отъ падежа; они объявляли свою волю черезъ шамановъ. Какъ бродячій родъ могъ промѣнять ихъ на чуждыхъ боговъ, неизвѣстныхъ его отцамъ? Плоды просвѣщенія, цивилизаціи были совершенно неизвѣстны тологонскому роду, хотя ближайшіе сосѣди его, якуты, были уже зна-

комы съ нѣкоторыми сторонами цивилизаціи: многіе изъ нихъ были грамотны, вели торговлю, учились въ школахъ, лѣчились въ больницахъ, исправлялись отъ пороковъ въ тюрьмахъ, сидѣли въ кабакахъ, гдѣ спаивали своихъ сородичей водкой, сдобренной махоркой и разбавленною водой. Въ землѣ якутовъ были учрежденія, пріобщившія ее въ нѣкоторомъ родѣ къ цивилизаціи: лавки, школы, больницы, почтовыя конторы, питейныя и другія заведенія, о которыхъ тунгусы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Изъ земли якутовъ къ тунгусамъ пріѣзжали иногда богатые тойоны, князьцы, покупать оленей, которыхъ они гнали на пріиска, куда они, кромѣ того, доставляли продукты, взятые за безцѣнокъ у закабаленныхъ земляковъ. На пріискахъ, главнымъ образомъ, якуты и черпали просвѣщеніе. Отъ русскихъ купцовъ и своихъ сосѣдей якутовъ тунгусы Тологонскаго рода получали тѣ немногіе продукты, которыхъ не могли добывать и производить сами: котлы, чайники, ножи, ситцы, платки, кусочки краснаго сукна для расшиванія пыжиковыхъ *) одеждъ, бисеръ, серебрянныя монеты, кольца и разныя металлическія побрякушки для женскихъ костюмовъ. Они познакомились съ употребленіемъ табаку и водки, за то формы отношеній людей къ людямъ въ культурной жизни: капиталъ, процентъ, наемный трудъ, монополія, частное владѣніе земельными, рыбными, охотничьими угодіями—были имъ совершенно неизвѣстны, даже въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ были извѣстны якутамъ; на такой низкой степени раз-

*) Пыжикъ – маленькій олень.

витія стояли тунгусы тологонскаго рода! Ихъ жизнь казалась жалкой даже якутамъ, познакомившимся съ благами культурной жизни на пріискахъ.

Но тунгусы тологонскаго рода чувствовали себя хорошо въ своихъ лѣсахъ и жили весело. Родъ имѣлъ свою опредѣленную территорію, свои рощи, долины, озера, на которыхъ промышляли его предки и которыя должны были остаться его дѣтямъ. Но родъ не смотрѣлъ на свои земли, какъ на нѣчто неприкосновенное для всякаго, кто не принадлежалъ къ нему. Онъ не препятствовалъ другому роду промышлять на своихъ угодьяхъ. Когда у сосѣдняго рода почему либо случался неуловъ звѣрой или рыбъ, то онъ прикочевывалъ на земли тологонскаго рода и промышлялъ на нихъ; за то когда у тологонскаго рода случался неуловъ, то онъ также кочевалъ въ земли, принадлежащія кому-нибудь изъ сосѣднихъ родовъ и кормился тамъ промысломъ. Во время пребыванья на чужихъ угодьяхъ родъ дѣлился продуктами своего промысла съ владѣтельнымъ родомъ, не въ видѣ дани за пользованье этими угодьями, а изъ чувства гостепріимства, завѣщаннаго ему отцами и самъ пользовался равнымъ гостепріимствомъ у сосѣдняго рода. Всѣ роды жили въ мірѣ и дружбѣ, каждый изъ нихъ принималъ своихъ сосѣдей съ отверстыми объятіями, всегда помогалъ имъ во время неулова и самъ пользовался равной помощью отъ сосѣдей. Странные порядки были въ землѣ тунгусовъ: все въ ней принадлежало всѣмъ, и ничто не принадлежало исключительно одному кому-нибудь; никто не былъ сытъ, когда другіе были голодны, никто не былъ голоденъ, когда дру-

гіе были сыты. Ни одна рощица, ни одно озеро не были неприкосновенны для кого-нибудь потому, что другой кто нибудь владѣлъ ими. Всякій, кто промышлялъ на озерѣ, тотъ и владѣлъ имъ, когда кончался его промыселъ, кончалось и владѣніе. Для того, чтобы одни промышленники не мѣшали другимъ, родъ раздѣлялъ свои угодья между отдѣльными семьями по очереди или по жребію. Если случались неудовольствія или споры между семьями во время раздѣла, то они рѣшились родовымъ старостой или всѣмъ обществомъ и всѣ подчинялись этому рѣшенію. Серьезныхъ столкновеній между отдѣльными лицами или семьями изъ-за временнаго обладанія различными угодьями никогда не было, потому что всѣ права на обладаніе были построены на весьма ясномъ и простомъ пониманьи словъ пользоваться и трудиться. Эти понятія были синонимы. Всякій тунгусъ зналъ, что пользованье угодьями неразрывно связано съ личнымъ трудомъ, онъ не могъ бы вообразить себѣ, какъ можно воспользоваться чѣмъ либо не трудясь. Ужъ такъ были устроены головы дикихъ, лѣсныхъ людей, что въ нихъ представленіе о пользованьи, владѣньи, было неразрывно связано съ представленіемъ о личномъ трудѣ. Всякій зналъ, что кто не трудится, не можетъ пользоваться тѣмъ, что давала природа, и потому всѣ трудились. Исключеніе составляли больные и неспособные къ работѣ старики, которые пользовались не трудясь; ихъ содержалъ родъ отъ своихъ избытковъ, на равныхъ правахъ со здоровыми людьми. Въ тяжелые годы неулова на ихъ долю не выпадало больше голода, чѣмъ на долю остальныхъ членовъ рода, ко-

торые трудились. За то больные и хилые старики сами иногда чувствовали, что они въ тягость роду и во время особенныхъ бѣдствій, голодовки, падежа оленей, повальныхъ болѣзней, сами старались умереть, чтобы не съѣдать доли здоровыхъ и полезныхъ для рода людей. Случалось, что такіе старики закалывали себя, приносили себя въ жертву богамъ своей земли, чтобы умилостивить ихъ и отвратить ихъ гнѣвъ отъ своихъ соплеменниковъ. Тогда весь родъ чтилъ ихъ память и долго воспѣвалъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ, передавая разсказы о ихъ подвигахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Да, дикіе люди не были лишены альтруистическихъ чувствъ и были способны на самопожертвованіе изъ любви къ ближнимъ, какъ и культурные люди. Они любили славу: только эту славу они добывали не въ борьбѣ съ другими людьми, а въ борьбѣ съ самимъ собою и съ суровой природой: холодомъ, пургами, морозами, дикими звѣрями. Такой старикъ, приносящій себя въ жертву богамъ за свой родъ, испытывалъ то же чувство, какъ и культурный человѣкъ, умирающій за своихъ ближнихъ или за истину. Оба—и дикарь, и культурный человѣкъ, чувствуютъ высшее личное удовлетвореніе и приходятъ къ одному и тому же заключенію о смыслѣ жизни. Невѣжественные дикари и образованные люди часто одинаково понимаютъ обязанности къ своимъ ближнимъ и высшее благо жизни: умереть для счастья ближнихъ. Имена стариковъ, принесшихъ себя въ жертву богамъ для блага своего народа, жили долго въ памяти потомства.

Тологонскій родъ велъ суровую борьбу съ природой на каждомъ шагу. Сколько тысячъ верстъ при-

ходилось ему исходить въ теченіе года по разнымъ ущельямъ, долинамъ, лѣсамъ, чтобы добыть пищу? Въ короткіе морозные дни долгой зимы тунгусы пробирались среди густыхъ зарослей и деревьевъ, засыпанныхъ инеемъ, тихо, безшумно, какъ привидѣнія. Бѣлые отъ инея, среди бѣлыхъ деревьевъ караваны тунгусовъ, сидящихъ верхомъ на оленяхъ, были похожи на процессіи какихъ то лѣсныхъ страшилищъ. Но они привыкли къ окружающей ихъ мерзлой пустынѣ; они любили ее. Она говорила ихъ сердцу тысячью нѣжныхъ, намъ непонятныхъ голосовъ, они слушали эти голоса и любовались, по своему, красотою природы своей родины. Вся природа замирала на зиму, а люди не знали отдыха; безъ устали бродили они съ горы на гору, съ долины въ долину. Небо загоралось на востокѣ, когда они вставали и вьючили свой скарбъ на оленей и гасло на западѣ, когда они вновь располагались на ночлегъ. Наступала долгая зимняя ночь; звѣзды загорались надъ пустынной землей; въ ихъ мерцаньи были разноцвѣтные лучи; всѣ онѣ свѣтили одинаково, но отблескъ ихъ былъ различенъ, точно звѣзды пѣли одну и ту же пѣсню, но разными голосами. Луна величаво выступала на небѣ; ея лучи разсыпались алмазными искрами по ковру пушистаго снѣга, одѣвшаго деревья и кусты, тѣни деревьевъ стлались по сугробамъ. Лѣса какъ бы оживали и охорашивались подъ лучами луны; становилось ясно и весело, деревья, дотолѣ сумрачныя, казалось, улыбались сквозь сонъ. Ясная тихая ночь веселѣе, чѣмъ короткій, пасмурный день. Но не всѣ ночи были тихи и ясны, еще больше было бурныхъ ночей. Съ вечера мут-

ное облако разливалось по небу, тушило огненную полоску надъ горою, гдѣ скрылось солнце; звѣзды какъ то украдкой пробирались сквозь разорванныя облака; луна торопливо пробиралась между тучъ, какъ бы убѣгая отъ бури, подвигавшейся съ тундры къ лѣсамъ и извѣщавшей о своемъ приходѣ отдаленнымъ гуломъ. Вокругъ лагеря тунгусовъ, лѣса какъ бы вздрагивали, слушая, какъ стонутъ другіе лѣса по краямъ тундры, исчезнувшей въ летучихъ волнахъ снѣговой пыли. Тунгусы выбѣгали изъ палатокъ: одни спѣшили къ оленямъ, чтобы оберегать ихъ отъ волковъ, ожидавшихъ прихода бури, чтобы ворваться въ стада, другіе укрѣпляли палатку и закрывали плотнѣе входъ въ нее. Не такъ страшна буря въ лѣсахъ, какъ въ тундрѣ, но и здѣсь она зла и капризна, какъ тамъ. Она бѣшено ударялась о стѣны лѣсовъ, стучала деревомъ о дерево, насыпала сугробы по полянамъ. Цѣлыя ночи напролетъ выла она въ окрестныхъ лѣсахъ, но тунгусы привыкли къ ея зловѣщему вою. Въ палаткахъ, около костровъ, дымившихся подъ дуновеніемъ вѣтра, спали они мирнымъ сномъ, закутавшись въ оленьи одѣяла и снилась имъ тихая ясная ночь съ мерцающими звѣздами, и деревья искрящіяся въ лучахъ луны и стада оленей, дремлющихъ на обширной полянѣ, какъ бы застланной серебряной скатертью...

Осенью и зимою тунгусы промышляли бѣлокъ и лисицъ. Если не удавалось пропить ихъ кому нибудь изъ купцовъ, случайно посѣщавшихъ ихъ, то они отдавали ихъ за долгъ тѣмъ купцамъ, съ которыми имѣли прочныя торговыя связи, унаслѣдованныя отъ отцовъ. Ранней осенью, когда дикіе олени возвращались изъ

тундръ въ лѣса, наступала самая дѣятельная и веселая жизнь для тунгусовъ тологонскаго рода. На территоріи этого рода находились рѣчки, черезъ которыя каждый годъ оленя переправлялись массами. На этихъ рѣчкахъ была превосходная охота; одинъ день давалъ мяса на цѣлые мѣсяцы; мяса было такъ много, что его некуда было дѣвать. Каждый день, пока хватало мяса, шли пиры, на которые приглашались всѣ, кто находился поблизости. Наваривались котлы жирной оленины; всѣ хозяева, гости, женщины, подростки располагались на травѣ или, въ дождливую погоду, въ палаткахъ вокругъ костра и поглощали мясо въ огромномъ количествѣ. Они ѣли, пили и веселились, не думая о будущемъ. Они пріучили свои желудки ѣсть много, когда былъ промыселъ хорошій, ѣсть мало, когда былъ промыселъ плохой Они не имѣли обыкновенія дѣлать запасовъ, а съѣдали тотчасъ же все, что добывали на своихъ угодьяхъ. Часть мяса они вялили на солнцѣ и коптили въ дыму надъ костромъ, потомъ рѣзали на кусочки и нанизывали на нитки изъ оленьихъ жилъ, какъ у насъ нанизываютъ баранки или сушеные грибы. Такъ приготовленное мясо они называли „улюкта".

Промыселъ оленей происходилъ такъ. Когда по различнымъ признакамъ можно было заключить, что скоро олени пойдутъ стадами въ лѣса изъ тундръ, гдѣ они въ теченіе лѣта спасались отъ комаровъ и мошекъ и отъѣдались на солончакахъ, на берегу моря, всѣ семьи тологонскаго рода съѣзжались постепенно къ рѣчкѣ, черезъ которую должны были переправиться олени, и разбивали свои палатки въ достаточномъ

отдаленія отъ нея, чтобы не испугать оленей. День и ночь промышленники караулили въ скрытыхъ мѣстахъ и лишь только замѣчали приближеніе оленей, всѣ приходили къ рѣчкѣ съ женщинами и дѣтьми и ждали. Когда стадо появлялось на берегу рѣки, они давали ему время броситься въ воду и доплыть до средины, потомъ садились въ заранѣе приготовленныя, скрытыя въ кустахъ одно-весельныя лодочки-вѣтки, легкія, сшитыя изъ 3 тонкихъ дощечекъ или изъ березовой коры и подплывали къ стаду съ короткими копьями въ рукахъ. Одни изъ промышленниковъ кололи оленей, другіе ловили въ водѣ убитыхъ и раненыхъ и ремнями волочили за собою къ берегу. Легко раненые олени, доплывавшіе до берега, добивались женщинами и подростками. Дикое оживленное зрѣлище представляла изъ себя въ эти дни промысла молчаливая лѣсная рѣчка! Сотни животныхъ плыли по рѣкѣ, надъ ихъ головами плылъ лѣсъ роговъ; лучи солнца сверкали на вѣтвяхъ этого лѣса, взволнованная рѣка плескала мутными волнами о берегъ. Лишь только охотники появлялись на рѣкѣ, стадо приходило въ замѣшательство, животныя въ дикомъ страхѣ сбивались въ кучки, спутывалось рогами; среди кучекъ и отдѣльныхъ животныхъ ловко лавировали лодочки; люди въ шапкахъ, расшитыхъ бисеромъ, какъ коршуны, носились по стаду, нанося мѣткіе удары своими копьями; вода окрашивалась въ красный цвѣтъ, прибрежная трава обагрялась кровью, тихіе зеленые лѣса оглашались дикими криками. Казалось, сотни страшныхъ лѣсныхъ духовъ собрались справлять оргіи на берегахъ затерянной въ пустынѣ рѣчки. Ревъ испуганныхъ оле-

ней, стукъ сталкивающихся роговъ, крики охотниковъ, плескъ волнъ, визги женщинъ—все это сливалось и составляло какой то демоническій концертъ. Эхо отъ этихъ криковъ и воплей глухими раскатами носилось по лѣсамъ, подобно волнамъ, разбивающимся о берегъ, ударялось оно о грудь холмовъ, отдавалось въ глубинѣ долинъ и пугало звѣрей по берлогамъ и птицъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Не многіе олени изъ застигнутаго врасплохъ стада спасались бѣгствомъ отъ ударовъ ожесточенныхъ охотниковъ, большая часть стада становилась общей добычей тологонскаго рода. По окончаніи промысла родъ праздновалъ побѣду надъ звѣрями съ такимъ же веселіемъ, какъ культурные люди празднуютъ побѣду надъ людьми же. Въ самыхъ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ, расшитыхъ яркими кожаными лоскутками, кусками краснаго сукна, разноцвѣтнымъ бисеромъ, приступали тунгусы къ дѣлежу добычи. Всѣ получали равные паи—и дѣти и самые искусные охотники—и никто не бывалъ обиженъ. Послѣ побоища и уборки оленей, начинались пиры и продолжались до тѣхъ поръ, пока все не съѣдалось и не высушивалось на „улюкту". Когда мясо кончалось, а иногда и раньше, смотря по надобностямъ охоты, тунгусы навьючивали оленей шкурами, содранными съ убитыхъ оленей, снимали палатки и уходили на другую рѣчку, гдѣ предвидѣлась какая нибудь добыча.

Вообще лѣтомъ жизнь тунгусовъ весела и безпечна. Замершіе, семь мѣсяцевъ не жившіе, а какъ бы грезившіе лѣса просыпались, съ ними просыпалось все живое, что скрывалось въ нихъ. Молчаливая, нѣмая, подъ бѣлымъ покровомъ снѣга тайга наполнялась

привѣтливымъ шумомъ. Въ одинъ мѣсяцъ все расцвѣтало; черныя, обнаженныя деревья становились сначала сѣрыми, когда почки проглядывали на вѣтвяхъ и покрывались нѣжнымъ пушкомъ, потомъ становились зелеными, когда почки лопались и переходили въ листья. Деревья, молчавшія всю зиму, начинали шептаться между собою; желтая, лежавшая на землѣ трава зеленѣла, выпрямлялась и любовно жалась къ стволамъ молодыхъ деревьевъ и кустовъ. Жизнь стремилась къ жизни, красота къ красотѣ; поблекшія травы, печальные и сѣрые мхи превращались въ роскошные ковры, затканные разноцвѣтными узорами. Кто разсыпалъ эти букеты бѣлыхъ, синихъ, розовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ по однообразной сѣрой скатерти мха, по кочкамъ и болотамъ? Кто бы ни былъ виновникомъ этого превращенія—Единый Вездѣсущій Богъ, о которомъ говорили имъ русскіе миссіонеры или духи лѣсовъ и горъ, которыхъ заклинали шаманы—тунгусы, были полны безпредѣльной благодарности къ могучей творческой силѣ, обновлявшей природу. Они бродили по горамъ, долинамъ, ущельямъ, переплывали рѣчки и озера, вездѣ передъ ними были просторъ и раздолье, безъ которыхъ для нихъ немыслима была жизнь. Они чувствовали себя счастливыми, а чувствовать и считать себя счастливымъ значитъ быть счастливымъ. Они были хозяевами этой безконечной земли, этихъ рѣкъ, озеръ, долинъ и всего, что заключалось въ нихъ; они могли брать въ своихъ земляхъ все, что хотѣли, хотя не могли брать ничего безъ труда; только при этомъ условіи природа надѣляла ихъ своими дарами. Самымъ дорогимъ изъ

этихъ даровъ была дикая свобода. Дикіе люди умерли бы съ тоски и печали, еслибы ихъ лишили этой свободы, если бы имъ запретили бродить по горамъ и долинамъ. Они зачахли бы въ стѣнахъ города; самая сытая и роскошная культурная жизнь показалась бы имъ жалкой. Рыба безъ соли, кусокъ мяса, съѣденные на свѣжемъ воздухѣ, на зеленой травѣ, подъ тѣнью кудрявой ольхи, на берегу свѣтлаго ключа, казались бы имъ вкуснѣе изысканныхъ блюдъ, которыя предложили бы имъ въ неволѣ; солнце показалось бы имъ мрачнымъ и темнымъ сквозь стеклянныя окна домовъ. Для того, чтобы понять превосходство культурной жизни, имъ нужно было готовиться цѣлые вѣка и последовательно, поколѣніе за поколѣніемъ, приближаться къ ней. Внезапное привитіе культурныхъ привычекъ, пороковъ и добродѣтелей было бы для нихъ гибелью. А были люди, которые хотѣли пріобщить насильно этихъ дикарей къ культурѣ: они хотѣли привить имъ такіе нравы и порядки, для усвоенія которыхъ въ головахъ дикарей просто напросто не хватало соотвѣтствующихъ клѣточекъ; эти клѣточки могли быть выработаны вѣками у нѣсколькихъ поколѣній, переходя по наслѣдству и совершенствуясь. Просвѣтители, видя безплодность своихъ усилій, называли дикарей звѣрями. Они были правы: дикіе люди любили свои лѣса, какъ звѣри. Они не могли понять иной красоты, кромѣ красоты своихъ лѣсовъ: имъ казалось, что деревья живутъ, какъ живыя существа и имѣютъ свои радости и печали. Какъ живыя, одаренныя чувствомъ созданія, они ликовали и нѣжились въ лучахъ солнца, хмурились, когда тучи залегали небо, грусти-

ли и плакали подъ дождемъ въ слякоть, рыдали подъ напоромъ бури и вновь смѣялись, блестя въ капляхъ росы, когда радуга обнимала небо..

Лѣтомъ дикіе люди тоже вели борьбу за обладанье дарами природы. Они охотились за птицами, оленями, медвѣдями. Съ кремневой малопулькой въ рукѣ они неустрашимо пускались на своихъ лодочкахъ изъ коры по озерамъ на встрѣчу медвѣдямъ, когда тѣ, спасаясь отъ комаровъ, сидѣли въ водѣ по шею. Одинъ мѣткій выстрѣлъ давалъ пищу на нѣсколько дней: тунгусы ѣли медвѣжье мясо, а сырой медвѣжій жиръ считали особеннымъ лакомствомъ. Нѣсколько семей обыкновенно соединялись вмѣстѣ для промысловъ. Самые лучшіе стрѣлки вставали рано, чуть свѣтъ, и уходили на охоту, черезъ нѣкоторое время за ними отправлялись другіе на оленяхъ въ указанныя мѣста, чтобы забрать и привести въ лагерь подстрѣленныхъ охотниками дикихъ оленей. Когда они возвращались, нагруженные добычей, всѣ радовались и никто никому не завидовалъ. Лучшаго оленя всегда отдавали гостямъ, кто бы эти гости не были—русскіе, якуты или ихъ сородовичи. Остальная добыча распредѣлялась между всѣми, а шкура каждаго изъ убитыхъ животныхъ отдавалась кому нибудь одному. Опытные охотники и стрѣлки, кормившіе своимъ искусствомъ весь родъ, ничего не требовали себѣ съ другихъ за это искусство; они скромно довольствовались славой лучшихъ охотниковъ и получали равный съ другими пай. У нихъ было повѣрье, что духъ, покровительствующій промысламъ, отвернется отъ того промышленника, который обнаружитъ жадность и заявитъ претензію

на большую долю въ промыслѣ, чѣмъ доля другихъ, вовсе не охотившихся за звѣрями. По ихъ вѣрованьямъ, Духъ промысловъ былъ добръ и справедливъ и хотѣлъ, чтобы всѣ были одинаково сыты—и искусные охотники, и сильные и слабые члены рода. Охотники, стремясь къ совершенству, идеаломъ котораго былъ Духъ промысловъ, сами старались быть добрыми и справедливыми и раздѣлять свою добычу поровну между всѣми—своими и чужими, между всѣми, кто былъ на лицо. Какъ хорошо было бы, если бы промышленники въ культурныхъ странахъ вѣрили бы въ добраго и справедливаго Духа промысловъ! Они были бы также человѣчны къ своимъ ближнимъ, какъ дикари.

Въ то время, когда опытные охотники отправлялись на долго въ отдаленныя мѣстности для промысла крупныхъ звѣрей, остававшіеся дома менѣе искусные промышленики тоже не сидѣли сложа руки; они со всѣми женщинами и дѣтьми занимались легкимъ и веселымъ промысломъ, охотой на дикихъ гусей, лебедей и утокъ, которые массами водились лѣтомъ въ рѣчкахъ и озерахъ ихъ земли Они ожидали того времени, когда птица линяла, теряла перья и отправлялись на рѣчки и озера, скрытыя въ глубинѣ лѣсовъ, на краяхъ тундръ и производили рекогносцировку. Замѣтивъ большое стадо линной птицы, часть охотниковъ направлялась по берегамъ рѣчки или озера, вверхъ по теченію, въ тылъ этому стаду; иногда приходилось идти большое разстояніе, верстъ по 30 и болѣе; другая меньшая часть оставалась въ извѣстныхъ мѣстахъ, заранѣе опредѣленныхъ пунктахъ этихъ рѣчекъ и исправляла устроенныя для ловли птицы ограды и ямы

называемыя у нихъ амбарами. Исправивъ амбары, промышленники ждали появленія стада гусей, которое должны были пригнать къ „амбарамъ" охотники, ушедшіе впередъ. Много искусства, ловкости и терпѣнія требовалось, чтобы оцѣпить стадо, согнать его въ кучку и, не давая ему разбѣжаться, тихонько гнать его къ одному заранѣе условленному пункту. Но это дѣло велось умѣло и въ величайшемъ порядкѣ. Часть охотниковъ, ушедшихъ впередъ за стадомъ, садилась въ легкія лодочки, которыя въ случаѣ нужды можно было нести на плечахъ или волочить за собою по землѣ, и оцѣпляла стадо сзади тихо, безъ шума, чтобы заранѣе не испугать его, другіе охотники съ собаками образовывали цѣпь по обоимъ берегамъ рѣчки или озера, прячась въ заросляхъ тальниковъ. Такимъ образомъ вокругъ стада незамѣтно для него образовывался полукругъ, концы котораго все удлиннялись.

Когда стадо было оцѣплено, задняя цѣпь въ лодкахъ приближалась къ нему и, пугая его, гнала къ намѣченному пункту внизъ по теченію. Гуси, имѣя передъ собой неоцѣпленное, свободное отъ препятствій водное пространство, плыли, убѣгая отъ своихъ преслѣдователей впередъ по теченію туда, гдѣ ихъ ждали. Когда гуси дѣлали попытку повернуть въ сторону и выбѣжать на берегъ, чтобы скрыться въ тальникахъ, охотники, составлявшіе боковую цѣпь, бросались на нихъ и прогоняли ихъ обратно въ воду. Линная птица летать не можетъ, за то бѣгаетъ чрезвычайно быстро и разъ линному гусю удастся выскочить на берегъ, его настигнуть трудно. Въ такихъ случаяхъ существенную помощь охотникамъ оказыва-

ли собаки: онѣ ловили всякаго гуся, пробовавшаго скрыться въ тальникахъ и душили. Но вотъ стадо и сторожевая цѣпь его приближались къ амбарамъ. Тогда, по данному сигналу, охотники производили самый ловкій и трудный маневръ. Часть арріергарда быстро удлиннялась, заходила во флангъ и внезапно заставляла стадо повернуть въ одну сторону. Фланговыя цѣпи съуживались и сбивали гусей въ тѣсную кучу и быстрымъ движеніемъ направляли ихъ въ ту сторону, гдѣ находился скрытый резервъ охотниковъ; тамъ вдругъ передъ стадомъ открывалось незагороженное, не оцѣпленное людьми и собаками пространство; но это и была ловушка; отъ воды къ кустамъ шла узкая свободная дорожка; съ обѣихъ сторонъ она была огорожена сѣтьми для того чтобы гуси не ударялись въ стороны, а шли именно по дорожкѣ. Гуси всею массой бросались на берегъ и бѣжали по дорожкѣ, гдѣ ихъ ждала гибель. Тамъ, гдѣ сѣти съуживались, съуживая проходъ, находилась широкая, гладко полированная доска, которая лежала наклонно и вела въ яму, окруженную плетнемъ. Не имѣя другого выхода гуси бросались къ ямѣ, бѣжали по доскѣ, скользили и падали въ яму, давя другъ друга тяжестью своихъ тѣлъ. Скоро яма наполнялась гусями, а они все бѣжали по доскѣ, задніе напирали на переднихъ, бѣгая по трупамъ товарищей. Въ огороженное пространство входили люди и палками добивали остатокъ злополучныхъ гусей, не попавшихъ въ яму.

Такой промыселъ былъ легокъ только тогда, когда все дѣлалось въ порядкѣ, по заранѣе намѣченному плану; всякій участникъ охоты долженъ былъ осторожно за-

нять назначенное ему мѣсто и потомъ всѣ должны были двигаться въ стройномъ порядкѣ, не мѣшая другъ другу. Оттого успѣхъ промысла въ значительной степени зависѣлъ отъ умѣлаго руководства имъ; нуженъ былъ своего рода стратегъ, чтобы устроить непріятелю западню. Случалось, что при неумѣломъ руководительствѣ дѣйствіями, гуси прорывались сквозь фланговую цѣпь и тогда дѣло было трудно поправить; всѣ охотники и собаки, оцѣпившіе стадо, бросались на гусей; всякій старался стрѣлами, палками и веслами убить возможно больше птицы, истребить возможно большую часть непріятельской арміи, которая не могла быть окружена и взята цѣликомъ.

Такимъ образомъ въ какіе нибудь два дня промышленники добывали нѣсколько сотъ штукъ линной птицы. По окончаніи промысла старики приступали къ дѣлежу добычи по стариннымъ обычаямъ, давая всѣмъ взрослымъ и дѣтямъ, мужчинамъ и женщинамъ равные паи. Все, что съѣдалось на мѣстѣ промысла, не шло въ счетъ. На берегу рѣчки зажигались веселые огни, наваривались груды жирныхъ вкусныхъ гусей, всѣ промышленники, ихъ жены, дѣти располагались вокругъ костровъ на травѣ и пировали. То, что не могли съѣсть люди, съѣдали собаки: и онѣ потрудились для общаго дѣла. Остальная добыча увозилась въ стойбища, которыя должны были находиться въ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, въ ожиданіи охотниковъ, отправившихся на промыселъ крупной дичи. Стаи вороновъ слетались на мѣста, оставленныя промышленниками и пожирали остатки пищи у потухшихъ костровъ.

Всѣ другія семьи, кочевавшія по близости и почему либо промышлявшія плохо, съѣзжались въ лагерь тѣхъ семей, которыя промышляли хорошо и пировали вмѣстѣ съ ними. Прятать добычу было некуда: тунгусы незнакомы были съ употребленіемъ погребовъ и потому они не промышляли гусей въ прокъ, а столько, сколько нужно было, чтобы добыча не испортилась. При томъ они были лѣнивы и безпечны и не заботились о будущемъ. Добывъ нѣсколько сотенъ гусей, утокъ или лебедей, они начинали пировать и пировали до тѣхъ поръ, пока другіе линные гуси, утки, лебеди, которыхъ можно было промышлять, не оперивались и не улетали. У тунгусовъ были и другія занятія, требовавшія много времени, напримѣръ уходъ за ѣздовыми олешми; они не знали, что такое раздѣленіе труда и промышляли птицу только между прочимъ, сколько нужно было для того, чтобы жить опредѣленное время. Въ прокъ они прятали только пухъ, но это не приносило имъ выгоды: они смотрѣли на пухъ, какъ на бездѣлицу, не зная, какъ онъ былъ дорогъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ гусей и лебедей было мало; по большей части они дарили пухъ своимъ друзьямъ купцамъ или отдавали его за огнива, кремни, серебряные двухгривенные и прочую мелочь. Зимою, когда ѣсть было нечего, въ нихъ просыпались воспоминанія о тихихъ, ясныхъ дняхъ лѣта, когда они промышляли гусей. Воображеніе рисовало имъ пылающіе костры на зеленыхъ берегахъ рѣчки, груды большихъ жирныхъ гусей, валяющіяся на травѣ... Вмѣстѣ съ этимъ предъ ними вставала декорація этой картины лѣтняго промысла: ясное небо, по которому плавали облака, бѣ-

дыя какъ лебеди, синяя рѣчка, зеленыя заросли съ трепещущими листьями, ряды деревьевъ, наклонившихся надъ водою и какъ бы заглядывающихъ въ ея глубину. Что они видятъ тамъ? Все то, что простирается надъ ними, но въ лучшемъ видѣ. И дикому лѣсному человѣку, мечтающему подъ вой зимней вьюги, подъ мутнымъ покровомъ неба, о лѣтнихъ ясныхъ дняхъ, о зеленыхъ лѣсахъ, все, о чемъ мечтаетъ онъ, кажется лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, ибо таково свойство всѣхъ людей и дикихъ, и культурныхъ, что отраженіе дѣйствительности, миражъ, мечта, сонъ кажется имъ лучше самой дѣйствительности...

Такъ жили тунгусы тологонскаго рода въ своей дикой странѣ, блуждая по горамъ и лѣснымъ трущобамъ. Они не имѣли постоянныхъ домовъ, вся страна была для нихъ домомъ Отдѣльныя ущелья, поляны, луга и рощи были какъ бы отдѣльными комнатами этого дома. Они переходили изъ комнаты въ комнату и вездѣ находили чѣмъ жить, вездѣ имѣли право трудиться и всѣ, безъ исключенія, имѣли право пользоваться тѣмъ, что давала имъ природа. Стѣны и полы этого обширнаго дома лѣтомъ были зелены какъ изумрудъ и малахитъ, зимою—бѣлы какъ мраморъ; потолокъ былъ усѣянъ звѣздами... Все было въ этомъ домѣ великолѣпно, безконечно, колоссально и они не переставали въ сердцѣ хвалить того великаго Зодчаго, который далъ имъ этотъ огромный, простиравшійся на необозримыя пространства--домъ.

II.

Просвѣтители бродячихъ инородцевъ о. Паисій и о. Серафимъ.

Бродячіе инородцы имѣли много хорошаго въ характерѣ; они имѣли такія же чувства, какъ и культурные люди, не смотря на все различіе строя ихъ жизни. Между тѣмъ культурные люди, посланные въ окраины, для того чтобы пріобщить къ цивилизаціи дикихъ людей, находили, что послѣдніе жили какъ звѣри. Въ такомъ духѣ они писали рапорты и донесенія заботливому начальству, которое пеклось о нуждахъ дикихъ людей. Среди дикарей господствовала своеобразная любовь въ отношеніяхъ другъ къ другу. Этой любви не понимали ихъ просвѣтители. Любовь у дикарей была основана на томъ, чтобы каждый имѣлъ то, что имѣетъ другой, чтобы всѣ помогали одному и одинъ всѣмъ во время общихъ бѣдствій. Чувство любви у нихъ было основано на равенствѣ, такое пониманье любви къ ближнему было странно, но дикіе люди не могли понимать ее иначе, такому пониманью научила ихъ природа. Не такъ понимали любовь къ ближнимъ нѣкоторые миссіонеры, пріѣзжающіе къ бродячимъ инородцамъ, чтобы просвѣтить ихъ духомъ истинной вѣры. Они говорили имъ: „любите ближнихъ своихъ, какъ самихъ себя“. Но когда дикіе люди просили ихъ нагляднѣе объяснить имъ эту любовь и показать примѣры ея, миссіонеры затруднялись. Если бы объ этомъ спрашивали культурные люди, миссіонеры отвѣтили бы: „Помогайте нищимъ, творите милостыню такъ, чтобы лѣвая рука не знала,

что творятъ правая". Но среди дикарей не было нищихъ, некому было раздавать милостыню; не было и богачей, которые могли бы творить милостыню отъ своихъ избытковъ; не было нужды тайно помогать ближнимъ, потому что явная помощь другъ другу у дикарей была обязательна. При такомъ странномъ порядкѣ вещей не было возможности творить милостыню, кормить голодныхъ, одѣвать нагихъ, посѣщать заключенныхъ. Это ставило проповѣдниковъ въ тупикъ; они не были подготовлены проповѣдывать при такихъ условіяхъ, а совсѣмъ при другихъ. Въ той странѣ, откуда они пріѣзжали къ дикарямъ, было несмѣтное число нищихъ, изнывающихъ въ вѣчномъ трудѣ, было много богачей, пресытившихся праздной, сытой, роскошной жизнью. Они, эти проповѣдники, будили въ послѣднихъ уснувшую совѣсть. „Покайтесь", говорили они имъ, „вы видите кругомъ нищихъ, голодныхъ, нравственно павшихъ людей, дайте имъ отъ избытковъ вашихъ, сотворите милостыню: одѣньте нагихъ, накормите голодныхъ, утѣшьте больныхъ, посѣтите заключенныхъ. Когда сдѣлаете это—спасете свою душу, сдѣлаете угодное Христу, который училъ любить ближнихъ, какъ самого себя"! Многіе богачи слѣдовали словамъ проповѣдниковъ и давали нищимъ отъ своихъ избытковъ. Одни—искренно тронутые словами евангелія, другіе—съ задней цѣлью получить за эту помощь бѣднымъ награды и медали. Проповѣдникамъ было пріятно видѣть, какъ въ черствыхъ людяхъ, думающихъ о наживѣ, о томъ, какъ бы возможно дешевле купить трудъ ближнихъ, въ ростовщикахъ, кабатчикахъ, хлѣботорговцахъ, спекулирующихъ на голодъ,

просыпалась совѣсть; но въ лѣсахъ, въ дикомъ уголкѣ пустыни, имъ не суждено было увидѣть этого, и получить личнаго удовлетворенія отъ своей проповѣднической дѣятельности. Надо было сначала создать нищихъ и богачей, а потомъ уже проповѣдывать первымъ о терпѣніи, вторымъ о милосердіи. Они не могли себѣ представить жизнь иною, чѣмъ та, среди которой они выросли, которая была имъ знакома съ дѣтскихъ лѣтъ; они умѣли проповѣдывать о любви къ ближнимъ только среди этой жизни и брать примѣры изъ нея для объясненія своихъ проповѣдей. Трогательная притча о милосердіи добродѣтельнаго ростовщика ничего не говорила сердцу дикарей; ростовщикъ нажилъ большія деньги тѣмъ, что бралъ немилосердные проценты съ ближнихъ, плодилъ нищихъ своей дѣятельностью, а потомъ жертвуетъ этимъ нищимъ гроши на устройство школы, больницы; проповѣдники говорили, что онъ любилъ своихъ ближнихъ, а для дикарей такая любовь была непонятна. Между проповѣдниками и дикарями не было точекъ соприкосновенія, общихъ взглядовъ и чувствъ, потому что они выросли среди различныхъ условій и различно понимали жизнь и ея явленія.... Изъ проповѣдниковъ, когда либо посѣщавшихъ бродячихъ инородцевъ, а въ томъ числѣ тологонскій родъ, типичныхъ было два—о. Паисій и о. Серафимъ.

Отецъ Паисій жилъ близко отъ территоріи тологонскаго рода, верстахъ въ 400 отъ „края лѣсовъ“, на миссіонерскомъ станѣ Ото-Кель. Это былъ низенькій, полный человѣчекъ, съ рѣдкими косичками, черной бородкой, маленькими, узкими глазками и пухлыми щеками. Якуты, жившіе вблизи стана, на краю лѣсовъ,

считали о. Паисія очень сердитымъ человѣкомъ оттого, что онъ уклонялся отъ всякихъ сношеній съ ними, помимо покупки у нихъ провизіи. Когда онъ пріѣхалъ на озеро Ото-Кель, гдѣ стоитъ часовня и поселился въ кельѣ, которую до него въ теченіе 10 лѣтъ занималъ простодушный о. Викторъ, якуты сильно заинтересовались новымъ батюшкой. Въ первое же воскресенье они всѣ съѣхались на коняхъ изъ окрестностей и у каждаго изъ нихъ въ переметныхъ сумахъ, висѣвшихъ у сѣдла былъ спрятанъ гостинецъ для батюшки; кто привезъ въ сумѣ глухаря или рябчиковъ, кто рыбу на строганину, кто бѣлокъ, а кто побогаче, тотъ и лисицу. Привязавъ лошадей къ забору келіи, якуты разсѣлись возлѣ часовеньки на бревнахъ, приготовленныхъ къ лѣту для ея ремонта и ожидали, пока батюшка отопретъ часовню и начнетъ службу. Якутъ, исполнявшій должность трапезника при прежнемъ батюшкѣ и прислуживающій новому, осмѣлился доложить о. Паисію на ломаномъ русскомъ языкѣ, что люди собрались молиться. Батюшка не отвѣчалъ ни слова, а продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, напѣвая себѣ подъ носъ какую то „божественную“ пѣсенку, изъ чего якутъ заключилъ, что батюшка готовится къ службѣ и отправился тотчасъ же извѣстить объ этомъ дагоровъ *).

— Сейчасъ выйдетъ, сказалъ онъ съ сіяющей улыбкой на своемъ скуластомъ лицѣ.

— Сепъ **). А чаемъ поить станетъ? спросилъ кто то изъ дагоровъ, поглядывая на свою переметную суму, гдѣ

*) Дагоръ—пріятель.
**) Ладно, хорошо.

лежалъ мороженный кружокъ сливокъ, приготовленный для батюшки въ даръ, на тотъ случай, если онъ будетъ поить чаемъ.

— Не знаю; смотрите, гостинцы послѣ службы въ горницу тащите.

Преподавъ такое наставленіе дагорамъ, бывшій трапезникъ осмѣлился вторично доложить о томъ, что люди собрались молиться.

— Ну и пусть молятся, отвѣтилъ батюшка сердито, продолжая ходить по комнатѣ. Я служить не буду. Не для нихъ я сюда присланъ, не для якутовъ, а для бродячихъ инородцевъ; у нихъ свой приходскій священникъ.

Якутъ передалъ дагорамъ, что батюшка сердится и не хочетъ служить. Якуты сидѣли на бревнахъ до тѣхъ поръ, пока не прозябли. Имъ не вѣрилось, что батюшка взаправду не хочетъ служить; этого у нихъ никогда не бывало. Отецъ Викторъ, на что уже любилъ брать гостинцы, жаденъ былъ къ мѣхамъ, однако каждое воскресеніе служилъ. Потомъ, поговоривъ, потуживъ, дагоры сѣли на коней, разъѣхались по своимъ юртамъ и разнесли по всему наслегу вѣсть о томъ, что новый батюшка сердитъ и отказывается служить.

Если разсудить по совѣсти, то батюшка былъ не правъ, но онъ дѣйствовалъ сообразно своимъ инструкціямъ. Онъ былъ назначенъ въ далекую окраину для того, чтобы разъѣзжать по бродячимъ инородцамъ и распространять среди нихъ свѣтъ истинной вѣры. Часовня была выстроена не для того, чтобы въ ней служилъ онъ; эта обязанность лежала всецѣло на приходскомъ священникѣ, который разъ въ годъ пріѣз-

жалъ изъ города въ свой приходъ исполнять требы. Собственно приходскій священникъ долженъ былъ жить среди якутовъ, въ своемъ приходѣ, но подъ предлогомъ, что въ приходѣ не было приличнаго помѣщенія, онъ жилъ въ городѣ, гдѣ жила вся его родня и гдѣ было веселѣе, чѣмъ среди якутовъ. Разъ или два въ годъ онъ «заказывалъ» своимъ прихожанамъ, что пріѣдетъ; улусъ посылалъ подъ него лошадей и онъ пріѣзжалъ исполнять требы: отпѣвалъ покойниковъ, умершихъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вѣнчалъ людей, которые давно уже вступили въ бракъ и имѣли дѣтей, крестилъ младенцевъ, которымъ было нѣсколько лѣтъ отъ роду. Иногда онъ не пріѣзжалъ, а посылалъ наказъ своему приходу черезъ старосту: «пусть соберутъ мнѣ (передавалъ староста на сходкѣ обществу слова священника) съ каждой души по рублю; а требы исполню слѣдующій разъ». Прихожане давали по рублю потому, что боялись прогнѣвить батюшку, жившаго въ дружбѣ съ исправникомъ, головою и съ прочими властями, а главнымъ образомъ потому, что знали за собою грѣхъ, о которомъ, какъ они были увѣрены, батюшка, зналъ очень хорошо. Дѣло въ томъ, что якуты часто обращались къ шаману въ разныхъ трудныхъ случаяхъ жизни и получали отъ него совѣтъ и исцѣленіе отъ недуговъ. Батюшка не разъ грозился отнять у шамана одежду и чудодѣйственный бубенъ, а его самого увезти въ городъ и подвергнуть церковному покаянію. Они охотно исполняли всѣ „заказы“ и „наказы“ батюшки, лишь бы онъ не дѣлалъ этого, не отнималъ у нихъ шамана, единственнаго въ нѣкоторомъ родѣ изъ всѣхъ духовныхъ

особъ человѣка, съ которымъ они держали тебя свободно и которому повѣряли свои радости и печали. Но религіозное чувство ихъ полнѣе удовлетворялось, когда вмѣстѣ съ поученіями шамана имъ случалось слышать церковное пѣніе и службу. Они были очень рады тому, что ихъ миссіонеръ о. Викторъ не отказывался служить имъ вмѣсто ихъ приходскаго священника.

О. Паисій не хотѣлъ брать на себя этой обузы, которую взвалилъ на себя его предшественникъ. Послѣ первой неудачной попытки склонить батюшку къ отправленію религіозныхъ обязанностей, якуты уѣхали, увезли гостинцы и больше не являлись. За то они слѣдили за нимъ очень дѣятельно и знали его жизнь до мельчайшихъ подробностей. Они знали, что онъ получаетъ изъ города отъ торговаго дома Бр. Брилкиныхъ спиртъ цѣлыми флягами *), мѣста чаю и другіе товары, совсѣмъ какъ его предшественникъ. Но о. Викторъ имѣлъ большіе расходы: онъ содержалъ все, довольно многочисленное семейство своей домоправительницы Мареы, у которой были даже внуки, заводилъ себѣ дорогіе мѣха, изъ которыхъ всегда кое что, напр. песпесцовыя одѣяла, рясы изъ лисьихъ лапъ, посылалъ въ монастырь намѣстнику и другимъ знакомымъ, онъ любилъ принимать гостей и жилъ сравнительно широко. О. Паисій жилъ прилично своему званію, какъ монахъ, никого не содержалъ и не угощалъ. На что же ему понадобились товары и водка въ такомъ большомъ количествѣ? спрашивали другъ у друга ,дагоры. Но вотъ установился санный путь и о. Паисій собрался

*) Фляга—плоская посуда изъ дерева, вмѣстимостью въ 3 ведра.

ѣхать въ страну бродячихъ инородцевъ. Три нарты*) запряженныя оленями, стояли подъ заборомъ келіи и дагоры хорошо разсмотрѣли, чѣмъ были нагружены эти нарты. Двѣ изъ нихъ были нагружены товаромъ и флягами со спиртомъ, а на третьей было постлано одѣяло изъ волчьихъ шкуръ. На третью нарту сѣлъ отецъ Паисій и отправился къ бродячимъ инородцамъ проповѣдывать.

Таковъ былъ первый выѣздъ о. Паисія въ свой приходъ, а всѣ слѣдующіе были похожи на первый. Каждый разъ о. Паисій увозилъ съ собою въ страну бродячихъ инородцевъ два воза товаровъ и взамѣнъ получалъ мѣха.

За то онъ терпѣлъ много лишеній въ пути. Не разъ приходилось ночевать въ тундрѣ, когда пурга металась и выла по голымъ не обозримымъ пустынямъ, составляющимъ, раздѣленныя одна отъ другой рѣчками и озерами, части одной огромной равнины, простирающейся отъ края лѣсовъ до горъ ледяного моря. Приходилось блуждать по засыпаннымъ снѣгомъ долинамъ, срѣди круглыхъ холмовъ, запиравшихъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ, искать выхода среди этихъ возвышенностей, окутанныхъ мутною пеленою неба; а оно мглистое, сѣдое было непроницаемо для глазъ самыхъ опытныхъ проводниковъ. Оно не пылало огнями заката, не свѣтилось блескомъ зари по утрамъ, не горѣло звѣздами. Звѣзды, краса долгихъ полярныхъ ночей! Онѣ однѣ среди мертвой, мерзлой природы говорятъ о жизни; какъ привѣтливо мигаютъ онѣ на темноси-

*) Нарты сани.

немъ небесномъ сводѣ! Какою чудной музыкой звучитъ отдается въ душѣ то, что они говорятъ глазамъ человѣка! Но не таково мутное небо безъ луны, безъ звѣздъ, одѣтое тучами, туманами! Когда ѣздилъ о. Паисій, часто на небѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было огней, цвѣтовъ, красокъ; оно было безжизненно молчаливо, не говорило ни глазамъ, ни чувствамъ. Въ немъ было тоже утомительное однообразіе, что и въ снѣжномъ саванѣ, укутавшемъ землю бродячихъ инородцевъ. Въ концѣ концовъ проводники находили дорогу въ тундрахъ и послѣ бури; но сколько мытарствъ приходилось испытать въ поискахъ за какимъ нибудь лагеремъ чукчей или тунгусовъ, которымъ нужно было возвѣстить свѣтъ истинной вѣры. Сколько нужно было имѣть самоотверженія и любви къ ближнимъ, чтобы по такимъ тундрамъ и пустынямъ разыскивать души заблудшихся овецъ и спасать ихъ! О. Паисій былъ посланъ въ страну дикихъ людей своимъ начальствомъ и начальство знало, что онъ не былъ способенъ безкорыстно, изъ одного чувства любви къ ближнимъ, дѣлать дѣло, для котораго посланъ и знало, что онъ ограничится формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Но оно не могло найти другого, лучшаго человѣка, который согласился бы проповѣдывать въ тундрахъ и пустыняхъ истину ради самой истины.

Въ первомъ попавшемся лагерѣ бродячихъ инородцевъ о. Паисій приступалъ къ исполненію своихъ обязанностей: онъ служилъ литургію, причащалъ (исповѣдывать онъ не могъ по незнанію языка бродячихъ инородцевъ), отпѣвалъ покойниковъ, умершихъ много лѣтъ тому назадъ, крестилъ младенцевъ, имѣвшихъ уже

женъ и дѣтей, дарилъ имъ крестики, иконки, получалъ въ отдарокъ песцовъ и лисицъ, продавалъ имъ свѣчи и ладонъ. Но и только. О Христѣ, о его божественномъ ученіи, о его страданьяхъ и смерти за людей онъ ничего не могъ сообщить дикарямъ, потому что не зналъ ихъ языка, а если бы онъ и зналъ языкъ, то въ рядъ ли могъ объяснить имъ евангеліе, потому что на это потребовалось бы много времени и онъ не могъ бы объѣхать всѣхъ. Для того, чтобы просвѣтить и сдѣлать истинными христіанами хотя нѣсколькихъ изъ этихъ дикарей, нужно было кочевать вмѣстѣ съ ними, изучать ихъ бытъ, узнать ихъ взгляды на жизнь, ихъ вѣрованья и суевѣрія, жить ихъ жизнью, заставить полюбить себя, прославить себя добрыми дѣлами. Если бы это могъ сдѣлать о. Паисій, онъ прослылъ бы у бродячихъ инородцевъ святымъ, великимъ человѣкомъ. Всѣ съ уваженіемъ и любовью слушали бы его слова, по всѣмъ тундрамъ и лѣсамъ прошла бы слава о немъ, сохранилась бы и послѣ его смерти и удержала бы бродячихъ инородцевъ отъ возврата къ своимъ суевѣріямъ. Сами шаманы преклонились бы передъ нимъ, признали бы себя побѣжденными и своихъ боговъ ничтожными передъ лицомъ того Бога, о которомъ проповѣдуетъ этотъ удивительный человѣкъ!

Но о такой дѣятельности никогда не думалъ о. Паисій и мысль о такой славѣ была чужда его душѣ, онъ смотрѣлъ на вещи гораздо проще и практичнѣе: на свою дѣятельность онъ смотрѣлъ, какъ на своего рода хозяйское дѣло, которое надо исполнить, хотя и не хочется („кончилъ—съ плечъ долой!“), и себя при этомъ не забывать. А себя никогда не забывалъ о.

Паисій. Когда приходилось расплачиваться съ ямщиками за разъѣзды, о. Паисій спрашивалъ ихъ, что имъ дать, кромѣ водки. Въ странѣ бродячихъ инородцевъ деньги были не въ ходу; онѣ были не нужны, такъ какъ за нихъ ничего нельзя было купить; а были въ ходу товары, которые всѣмъ были нужны и потому въ томъ, что о. Паисій и другіе миссіонеры возили съ собой товаръ, не было ничего предосудительнаго и вполнѣ соотвѣтствовало тому типу торговыхъ отношеній, которыя сложились въ краѣ. Ямщики отвѣчали, что имъ ничего не нужно кромѣ водки. Но водка была очень дорога; это обстоятельство не останавливало ямщиковъ, они брали водку сначала за провозъ, потомъ брали водку за лисицъ, за песцовъ, за все пушное, какое у нихъ было. Этой водкой они угощали своихъ земляковъ вездѣ даромъ; земляки угощали другихъ земляковъ; всѣ угощали другъ друга, потому что всѣ жили мирно, согласно и привыкли такъ жить, чтобы всякій имѣлъ то, что другой: разъ водку имѣлъ одинъ тунгусъ—то ее имѣетъ весь родъ. Такимъ образомъ мѣсто фляги со спиртомъ на возкѣ о. Паисія занимала сума съ пушнымъ, которое дарили ему бродячіе инородцы. Они были очень благодарны о. Паисію, что онъ пріѣзжалъ къ нимъ раньше, чѣмъ кто либо изъ купцовъ, какъ разъ въ то время, когда они сильно нуждались въ разныхъ товарахъ. Онъ дарилъ имъ чай, сахаръ, красные платки, табакъ; они не оставались передъ нимъ въ долгу и дарили ему шкурки лисицъ, песцовъ и иныхъ звѣрей. Случалось, иной разъ, что онъ ничего имъ не давалъ, но они все—таки дарили ему мѣха, для того, чтобы слѣдующій разъ онъ имъ привезъ

нужный для нихъ товаръ. Никто изъ инородцевъ не говорилъ ничего худого объ отцѣ Паисіѣ; всѣ его хвалили, и это понятно; на ихъ взглядъ онъ имъ дѣлалъ добро. Но то дѣло, ради котораго онъ былъ посланъ въ страну бродячихъ инородцевъ, нисколько не выигрывало отъ того, что онъ дѣлалъ имъ добро, снабжая ихъ товаромъ. Инородцы не узнавали отъ него о Христѣ, объ Евангеліи, о томъ, какъ надо молиться и жить. Они жили мирно, согласно, потому что такъ выходило само собой, такъ устроила природа, давъ имъ въ удѣлъ обширныя земли, гдѣ для всѣхъ было достаточно мѣста жить и промышлять Если бы между ними вдругъ началась война, то слова о. Паисія не имѣли бы на нихъ никакого вліянія и не прекратили бы ея. Онъ не съумѣлъ бы призвать ихъ къ миру, подѣйствовать на нихъ словами Спасителя, потому что онъ не научилъ ихъ понимать эти слова.

Въ своихъ рапортахъ и донесеніяхъ начальству о. Паисій писалъ, что инородцы, живущіе въ своихъ лѣсахъ, звѣринымъ обычаемъ, все болѣе и болѣе просвѣщаются свѣтомъ истинной вѣры, благодаря его неутомимымъ стараньямъ и въ доказательство посылалъ списки тѣхъ бродячихъ инородцевъ, которыхъ онъ крестилъ, вѣнчалъ или другимъ какимъ путемъ пріобщалъ къ церкви. На бумагѣ у него дѣло обстояло очень хорошо и онъ въ разговорахъ со знакомыми, хвалясь своею дѣятельностью, намекалъ на бездѣятельность отца Серафима, настоятеля сосѣдняго миссіонерскаго стана, который очень мало заботился о спискахъ и не представлялъ вѣдомостей о пріобщеніи къ церкви бродячихъ инородцевъ.

Въ остальное, свободное отъ разъѣздовъ время о. Паисій сидѣлъ въ своей кельѣ, писалъ дѣловыя письма купцамъ, рапорты начальству, составлялъ списки инородцевъ, пріобщенныхъ къ церкви, пилъ чай, разгуливалъ по комнатѣ, а лѣтомъ по лѣсу, приглашалъ якутокъ мѣховщицъ собирать свои мѣха. Въ городъ онъ ѣздилъ рѣдко. Онъ зналъ, что его въ городѣ не любятъ, называютъ скрягой, за то, что онъ во время пріѣздовъ въ городъ не устраиваетъ званныхъ обѣдовъ, какъ о. Викторъ, что про него ходятъ разсказы, что онъ торгуетъ водкой. Но развѣ другіе батюшки служатъ своему дѣлу безкорыстно? Всѣ также какъ и онъ заплатили бы ямщикамъ прогоны спиртомъ, потому что такъ уже принято издавна. Одинъ о. Серафимъ этого не сдѣлаетъ: самъ онъ не пьетъ и никого не поитъ водкой и даже въ хорошемъ обществѣ исправника, священниковъ, купцовъ, отказывается выпить „для компаніи", за что его называютъ гордецомъ.

Отецъ Серафимъ, дѣйствительно, былъ совсѣмъ не похожъ на прочихъ батюшекъ далекой сибирской окраины. Онъ старался не только записать инородцевъ христіанами, но и сдѣлать ихъ христіанами на самомъ дѣлѣ, что было, по общему мнѣнію, недостижимо. Бродячіе инородцы его очень уважали. Какъ ни были они невѣжественны ,но и они замѣтили, что между о. Серафимомъ и другими батюшками, которые дарятъ инородцамъ товары, для того чтобы послѣдніе отдаривали ихъ мѣхами—большая разница. О. Серафимъ старался быть полезнымъ имъ не матеріально, а вліять на нихъ нравственно: старался утѣшить ихъ, когда они были печальны, помирить ихъ, когда они ссори-

лись. Онъ не только не давалъ имъ водки за прогоны, но убѣждалъ ихъ вовсе ея не пить. Хотя они всегда оставались при особомъ мнѣніи на этотъ счетъ, но никто изъ нихъ не только не рѣшается попросить у него водки, но даже пить въ его присутствіи свою водку. Это происходило не изъ страха, что онъ можетъ донести начальству, а изъ уваженія къ нему. Доносить о чемъ бы то ни было начальству вообще не любилъ отецъ Серафимъ, такъ же какъ и не любилъ доносить о плодотворности своей собственной дѣятельности, такъ что его начальники, привыкшіе судить объ успѣхахъ дѣла по бумагамъ, думали, что онъ ничего не дѣлаетъ и не присоединяетъ инородцевъ къ истинной вѣрѣ. Даже на шамановъ не любилъ доносить о. Серафимъ и потому шаманы его не боялись, но ставили его выше прочихъ священниковъ и переставали заклинать духовъ, когда онъ появлялся въ странѣ бродячихъ инородцевъ и отказывали въ помощи ищущимъ у нихъ исцѣленія.

—Подождите, говорили они. Духи боятся этого агабыта *) больше всѣхъ; онъ видитъ сквозь лѣса и горы... Нѣтъ, духи не будутъ разговаривать, пока онъ здѣсь, въ лагерѣ.

Ни одинъ купецъ, гостившій у бродячихъ инородцевъ, не рѣшался въ присутствіи о. Серафима угощать инородцевъ водкой. Купцы прекращали торговлю водкой, лишь только отецъ Серафимъ пріѣзжалъ въ лагерь. Они не боялись, что отецъ Серафимъ донесетъ на нихъ властямъ, но не хотѣли огорчить его.

*) агабытъ—священникъ (як.)

— Когда онъ укоритъ, говорили они, стыдно станетъ; и взглянетъ на тебя этакъ жалостливо, что готовъ сквозь землю провалиться: „дескать темныхъ. бѣдныхъ людей обираетъ“. Онъ ихъ считаетъ за дѣтей, этихъ инородцевъ... Но вѣдь и мы то свой товаръ должны произвести, тѣмъ паче въ кредитъ взявши....

Не такъ поступали купцы при о. Паисіѣ, они его не стѣснялись и смотрѣли на него въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на конкуррента.

— А много-ли Батька водки привезъ, заботливо справлялись они у ямщиковъ о. Паисія.

О. Серафимъ былъ врагъ водки и спиртныхъ напитковъ, за что пользовался въ мѣстѣ своего прежняго служенія, до принятія монашества, большимъ уваженіемъ у скопцовъ. Къ запрещенію ввозить водку къ инородцамъ онъ относился безразлично. По его мнѣнію и русское населеніе далекой окраины было, за малыми исключеніями, на одномъ уровнѣ съ инородцами; если дозволялось однимъ пользоваться водкой, то почему же запрещать другимъ. Это запрещеніе имѣло прямо вредныя послѣдствія: русскіе торговцы, не имѣя возможности торговать виномъ съ бродячими инородцами явно, при контролѣ властей, ввозили тайно, безъ всякаго контроля, брали огромные барыши, фальсифицируя въ тоже время вино. О. Серафимъ былъ сторонникомъ мѣръ, которыя поставили бы торговлю виномъ въ такія условія, при которыхъ она не являлась бы столь заманчивой, своего рода золотымъ дномъ, гдѣ ищутъ счастья разные аферисты и хищники. Въ частныхъ разговорахъ онъ излагалъ эти мѣры, которыя бы били по карману кабатчиковъ и упорядочи-

вали бы отношенія между ними и потребителями, но онъ остерегался сообщать эти мысли сильнымъ области, знавшимъ о всѣхъ продѣлкахъ складчиковъ и кабатчиковъ, и молчавшимъ, или даже покровительствовавшимъ имъ въ томъ, потому что не любилъ вмѣшиваться въ чужое дѣло и былъ очень скроменъ. Эту скромность его начальники и товарищи по службѣ истолковывали въ невыгодномъ для него смыслѣ.

Съ такимъ образованіемъ, толковали между собою его товарищи, человѣкъ пошелъ въ монахи и забился въ глушь. По крайней мѣрѣ остался бы въ городѣ, на виду у Преосвященнаго, скоро бы повышеніе получилъ....

— Неуживчивъ онъ, сообщалъ свои догадки одинъ изъ бесѣдующихъ; строптивъ съ начальствомъ, съ товарищами не ладитъ. Такихъ нигдѣ не любятъ...

— „Просвѣщать дикарей“, говорятъ, сказалъ онъ при отъѣздѣ, „великое, но трудное дѣло, не знаю съумѣю-ли я, не довѣряю своимъ силамъ“...

— Униженіе паче гордости...

Такъ недоброжелательно относились къ о. Серафиму многіе въ духовномъ мірѣ. По своему образованію, талантамъ, о. Серафимъ, если бы былъ на виду, могъ бы успѣвать, но почему то успѣвать не пожелалъ и уѣхалъ въ глушь.

Но о. Серафимъ поступилъ такъ не ради свѣта и его молвы, а ради самого себя. Онъ хотѣлъ сдѣлать что нибудь для бѣдныхъ, невѣжественныхъ инородцевъ, затерянныхъ въ лѣсахъ, сообщить имъ крупицы того ученія, которое придавало смыслъ его собственной жизни.

Послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ къ бродячимъ инородцамъ, онъ сдѣлалъ много наблюденій надъ ихъ жизнью и эти наблюденія пробудили въ немъ рядъ новыхъ мыслей. Не такъ уже бѣдны и несчастны казались ему эти инородцы, объ участи которыхъ такъ жалѣютъ культурные люди. Бродячіе инородцы по своему были счастливы. Среди нихъ было меньше злобы, ненависти, борьбы и страданій, чѣмъ среди культурныхъ людей. Они не страдали отъ несправедливости, обидъ и угнетенія другихъ людей. Инородцы пока не угнетали никого и помогали другъ другу въ борьбѣ съ природой. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они покорятъ природу и не будутъ зависѣть исключительно отъ нея; а потомъ они будутъ покорять другъ друга въ страшной, но безкровной экономической борьбѣ.. Онъ понималъ, что такою мирной, тихой жизнью, безъ угнетенія и ненависти, они живутъ только потому, что не знаютъ порядковъ иной жизни. Они еще не подготовлены къ ней, но придетъ время и они узнаютъ эту другую жизнь и другіе порядки. Теперь стараются привить имъ эти порядки купцы, спаивающіе ихъ спиртомъ, якуты, вкусившіе благъ пріисковой цивилизаціи, казаки, пріѣзжающіе изрѣдка къ нимъ съ порученіями отъ начальства. Колоссальная, непобѣдимая сила надвигается на тихіе, пустынные, неизслѣдованные лѣса, скрывающіе въ своихъ нѣдрахъ счастливыхъ людей. Придетъ время и она, эта сила, разрушитъ ихъ счастіе: явятся въ неизвѣданные лѣса носители культуры, найдутъ тамъ золотоносныя площади, купятъ ихъ за бутылку водки и откроютъ пріиски, тысячи голодныхъ людей соберутся

рыть землю и искать золото за мѣдный грошъ, но на хозяйскихъ харчахъ; сотни телѣгъ, нагруженныхъ этими харчами потянутся въ тайгу: прорубятъ дороги средь непроходимой чащи, проведутъ телеграфъ... Жизнь и движенье закипятъ кругомъ; пушные звѣри убѣгутъ дальше на сѣверо-востокъ, туда же за ними уйдутъ прежніе хозяева земли... уйдутъ, если ихъ не коснется культура. Если же коснется, то они промѣняютъ дикую свободу на жизнь батрака, займутся доставкой лѣсного матерьяла на своихъ оленяхъ, а можетъ быть по вольному найму займутся ловлей и выслѣживаньемъ спиртоносовъ...

Какъ то грустно на душѣ становилось у о. Серафима отъ этихъ мыслей. Нельзя сказать, чтобы при своихъ скорѣе консервативныхъ, чѣмъ либеральныхъ взглядахъ, онъ былъ противникомъ прогресса, такого прогресса, который совершается медленно, безъ толчковъ и потрясеній. Но почему, задавалъ онъ себѣ вопросъ, прогрессъ, увеличивая благосостояніе однихъ людей, уничтожаетъ счастье другихъ? Онъ отъ души желалъ, чтобы тунгусы его бродячаго прихода оказались настолько способными къ предстоящей эволюціи, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и не погибнуть среди нихъ физически отъ пьянства и другихъ пороковъ и нравственно отъ разнузданныхъ страстей, отъ жадности къ наживѣ, которая будетъ составлять смыслъ жизни и давать направленіе дѣятельности людей. Онъ упрекалъ себя за эти мысли; ему, какъ священнику, слѣдовало думать лишь о душахъ своей паствы о просвѣщеніи ея свѣтомъ истины евангельской. Впрочемъ хорошо, что онъ по-

думалъ о ихъ будущности, размышлялъ онъ иной разъ; онъ съ большимъ рвеніемъ возьмется за дѣло просвѣщенія бродячихъ инородцевъ, можетъ быть, свѣтъ евангелія спасетъ ихъ дѣтей и внуковъ отъ гибельныхъ потрясеній будущей эволюціи.

Съ большимъ прискорбіемъ смотрѣлъ о. Серафимъ на сношенія купцовъ съ дикими инородцами; онъ боялся, чтобы купцы преждевременно не деморализовали ихъ, не разрушили ихъ природную доброту и честность. Характерно было отношеніе самихъ купцовъ къ бродячимъ инородцамъ.

— Самый честный народъ эти ломутки, искренно признавались купцы отцу Серафиму. Хоть ты золото тутъ разсыпь, они не тронутъ... да и цѣны золоту не знаютъ. А долгъ за ними никогда не пропадетъ: внуки за дѣдовъ плотятъ!

— Если они такъ честны, то отчего же вы въ сношеніяхъ съ ними не платите имъ равной монетой? Табакъ, который продаете вы имъ, смачивается водой; водку сдабриваете табакомъ? Вѣдь это отрава. Зачѣмъ же вы отравляете людей, которые такъ довѣрчивы къ вамъ и такъ честно платятъ вамъ долги?

Какъ ни мягко старался говорить о. Серафимъ, слова его звучали суровымъ укоромъ.

— Что подѣлаешь? намъ съ нихъ нажиться надо... Такъ заведено... Такъ изстари повелось... оправдывались купцы и сами недоумѣвали, зачѣмъ они обманываютъ и отравляютъ людей, которые всегда честно исполняютъ въ отношеніи ихъ свои обязательства и обѣщанія.

Кто былъ виноватъ въ такой несообразности? Была виновата жизнь. Разница поступковъ обусловливалась

разницею жизненнаго уклада. Строй жизни и дѣятельности купцовъ заставлялъ ихъ поступать съ инородцами по своему именно такъ, какъ поступали они („Коммерція, что подѣлаешь?"). Строй жизни дикарей заставлялъ ихъ поступать относительно купцовъ опять таки по своему. („Какъ друга обмануть? отцы такъ не дѣлали"). Обѣ стороны были представителями діаметрально противуположныхъ началъ, которыя когда нибудь должны будутъ столкнуться и выработать новый типъ отношеній между дикарями и культуртрегерами.

Разъѣзжая по бродячимъ инородцамъ, о. Серафимъ научился цѣнить ихъ честность, простоту и дѣтскую довѣрчивость. Эти качества сами по себѣ представляли удобную почву для успѣшнаго привитія христіанскихъ добродѣтелей, но они же давали шансы и для привитія пороковъ, носителями которыхъ о. Серафимъ считалъ торговцевъ водкой и другихъ хищниковъ, по временамъ являвшихся ради наживы среди тунгусовъ. Предчувствіе того, что многіе пороки со временемъ найдутъ доступъ въ ихъ простыя дѣтскія сердца, заставляло о. Серафима иногда говорить поученія торговцамъ.

— Истинно говорю вамъ, если кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, говорилъ онъ, указывая на инородцевъ, лучше бы ему было, если бы ему привязали камень на шею и бросили въ море.

Этими и другими подобными рѣчами о. Серафимъ старался убѣдить представителей болѣе высокой культуры, слушавшихъ его, въ томъ, что инородцевъ надо учить добру и давать имъ добрые примѣры, а не спаивать и обманывать.

Но его пожеланія шли въ разрѣзъ съ дѣйствительною жизнью и онъ былъ безсиленъ бороться съ нею.

Онъ очень жалѣлъ, что не владѣлъ языкомъ тѣхъ людей, которыхъ взялся просвѣщать. Печатныхъ или письменныхъ источниковъ для изученія языка онъ не могъ достать, не смотря на свои старанья, потому что этихъ источниковъ не было и въ главномъ городѣ области, притомъ нарѣчія инородцевъ одного племени, но разныхъ родовъ, немного разнились одно отъ другого. Пришлось учиться у переводчиковъ якутовъ или тунгусовъ, знавшихъ по-якутски. Въ довершеніе несчастія о. Серафимъ, какъ уроженецъ болѣе южныхъ странъ, не зналъ и якутскаго языка, который въ свою очередь былъ труденъ. Онъ раскаялся, что взялся за дѣло безъ подготовки и удивлялся, что его начальство не поставило ему на видъ необходимость знать хотя бы якутскій языкъ. Но по всей епархіи господствовало формальное отношеніе къ дѣлу. За дѣло просвѣщенія инородцевъ брались лица, не только не знавшіе языка ихъ, но даже незнакомыя съ географіей и этнографіей мѣстности, въ которой они собирались дѣйствовать.

Въ свободное время онъ старался познакомиться съ языкомъ. Кое-какъ съ помощью переводчиковъ, онъ объяснялъ своей паствѣ все, что считалъ нужнымъ сообщить для того, чтобы они стали христіанами. Это предшествовало спискамъ; онъ хотѣлъ, чтобы у него на самомъ дѣлѣ дѣло шло успѣшно, а не на бумагѣ только.

Хотя тологонскій родъ находился въ вѣдѣніи о. Паисія, но онъ зналъ хорошо и о. Серафима, такъ

какъ часто бывалъ на территоріи другихъ родовъ, въ то время, когда тамъ гостилъ о. Серафимъ. Всѣ ближайшіе тунгусы любили его. Лишь только онъ пріѣзжалъ въ лагерь, какъ всѣ мужчины, женщины и дѣти приходили туда, гдѣ онъ былъ, и толпились вокругъ него, разсказывали ему новости (черезъ переводчика), свои радости и огорченія, спрашивали совѣта.

Когда первый разъ, сейчасъ по прибытіи на мѣсто служенія, пріѣхалъ къ бродячимъ инородцамъ о. Серафимъ, они принесли ему подарки: лисицъ и песцовъ; но онъ подарковъ не взялъ и отвѣтилъ имъ, что онъ не затѣмъ пріѣхалъ къ нимъ, чтобы брать отъ нихъ лисицъ, песцовъ и другіе мѣха, которыхъ ему совсѣмъ не нужно. Для того именно онъ отказался отъ семьи и сталъ монахомъ, чтобы не нуждаться ни въ какихъ доходахъ, быть свободнымъ отъ житейскихъ заботъ, а заботиться лишь о душахъ тѣхъ людей, которые ввѣрены его попеченіямъ.

Такимъ языкомъ не говорилъ съ тунгусами ни одинъ агабытъ.

По исполненіи требъ, когда о. Серафимъ собрался ѣхать дальше къ другому роду, онъ роздалъ имъ отъ себя подарки—чай, платки, соль и разныя мелочи. Онъ объявилъ, что онъ даетъ имъ безъ всякихъ отдарковъ, такъ какъ знаетъ, что они нуждаются въ этомъ, а у него въ этомъ всемъ избытокъ, что вѣра, которой онъ долженъ учить ихъ, приказываетъ помогать всѣмъ и дѣлиться своими избытками съ ближними, которые испытываютъ нужду.

Разъ во время пребыванья среди тунгусовъ о. Серафимъ узналъ въ лагерѣ, что одинъ изъ лучшихъ

промышленниковъ цѣлаго рода опасно боленъ. У него всегда была съ собой маленькая аптека и онъ рѣшился испробовать свое искусство и подать посильную помощь больному, надъ которымъ до его пріѣзда мудрилъ шаманъ, одинъ изъ лучшихъ шамановъ тологонскаго рода. Семья больного не жалѣла ничего, чтобы спасти своего кормильца.

Шаманъ вызывалъ духовъ, бѣсновался, плясалъ въ экстазѣ передъ палаткой. Вотъ онъ заговорилъ: въ странныхъ, то пронзительныхъ, то невнятныхъ, какъ сонное бормотанье, звукахъ онъ казалось изображалъ голоса, которыми говоритъ природа въ лѣсахъ: крики птицъ, вой звѣрей, шумъ потоковъ, ропотъ деревьевъ. Вотъ кричатъ сонные гуси, привѣтствуя свѣтъ зари... Лучъ свѣта пронзилъ туманный воздухъ; вдругъ что то зазвенѣло въ немъ, отдалось въ лонѣ дремлющаго озера и покатилось по водѣ; это лебединая пѣснь; лебеди летаютъ вереницей подъ облаками въ синемъ небѣ и радуются свѣтлому солнышку и ясному тихому дню.. Но вотъ картина мѣняется: тучи заслоняютъ солнце и вѣтеръ не можетъ разогнать ихъ: онъ вѣетъ гдѣ то далеко, свиститъ въ ущельяхъ горъ, а эхо разносится по лѣсамъ; деревья дрожатъ, издалека слышится угрожающій вой... буря несется изъ тундры въ лѣса, вотъ она ударилась о нихъ... Кричатъ тревожно вороны. Маленькія птички съ жалобнымъ пискомъ мечутся по лѣсу, ища убѣжища въ густыхъ вѣтвяхъ...

Все это, казалось, видѣли слушатели въ то время, какъ пѣлъ шаманъ. Въ странныхъ таинственныхъ звукахъ ему одному извѣстной пѣсни, онъ имъ предста-

вилъ жизнь пустыни. Какъ онъ могъ это сдѣлать безъ помощи боговъ? Шаманъ зазвенѣлъ бубномъ, а всѣмъ присутствующимъ казалось, что духи прилетѣли и говорятъ, глухо гудятъ гдѣ то подъ землею, шепчутся въ листьяхъ сосѣднихъ деревъ; а когда облачко набѣгало на солнце и тѣни стлались по землѣ отъ измѣнившихся свѣтовыхъ эффектовъ, присутствующимъ казалось, что это тѣни духовъ, пришедшихъ на зовъ шамана и невидимо парящихъ надъ нимъ... Раздались рѣзкіе, пронзительные крики: казалось, стая орловъ невидимо пронеслась по лѣсу, шумя крыльями; повелительный голосъ шамана заставилъ ее улетѣть. Но все искусство шамана не принесло исцѣленія больному. Духи прилетѣли на зовъ заклинателя и опять удалились, когда онъ пересталъ заклинать; заговорили, когда звенѣлъ бубенъ, и опять замолкли, когда звонъ бубна затихъ. Больному не стало легче.

Когда о. Серафимъ вошелъ въ палатку къ больному, туда набилось много любопытныхъ, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ исцѣлять больного русскій шаманъ и убѣдиться, точно ли онъ сильнѣе и могущественнѣе тунгузскихъ шамановъ. О. Серафимъ поставилъ икону, зажегъ свѣчи и обратился потомъ къ толпѣ тунгусовъ.

— Братья, сказалъ онъ, помолимся Господу объ исцѣленіи больного. Если вы помолитесь съ вѣрой, Господь дастъ вамъ все, чего попросите въ простотѣ сердца, съ вѣрою въ душѣ. Какъ добрый Отецъ, Онъ не отказываетъ людямъ въ томъ, въ чемъ они нуждаются.

Всѣ осѣнили себя крестомъ и въ глубокомъ молчаніи слушали слова молитвы, которую читалъ о. Серафимъ.

— Увидимъ, думали про себя скептики, какъ русскій Богъ поможетъ больному, которому не помогло заклинанье духовъ.

По окончаніи молитвы о. Серафимъ приступилъ къ врачеванью. Онъ выслушалъ дыханье и пульсъ больного, лежавшаго почти въ безпамятствѣ, вынулъ изъ походной аптечки нужное лѣкарство, налилъ его въ ложку и влилъ больному въ ротъ. Черезъ нѣкоторое время больной очнулся и тунгусы вновь осѣнили себя крестомъ. Къ утру слѣдующаго дня онъ, продолжая принимать лѣкарство, почувствовалъ облегченіе, а черезъ три дня онъ уже сидѣлъ на постели, пользовался хорошимъ аппетитомъ и сномъ. Вскорѣ по всѣмъ родамъ, кочевавшимъ вблизи, разошлась молва о томъ, какъ о. Серафимъ исцѣлилъ больного. „Силенъ Богъ, который имѣетъ такихъ слугъ“, говорили между собою тунгусы, передавая извѣстіе о выздоровленіи больного.

Больной, котораго вылѣчилъ о. Серафимъ, не зналъ, какъ благодарить его.

— Когда я былъ боленъ, сказалъ онъ ему на прощанье, я обѣщалъ себѣ въ душѣ отдать шаманамъ десять оленей и эту лисицу. Возьми все ты, что я обѣщалъ шаманамъ.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ-подъ изголовья чернобурую лисицу и подалъ о. Серафиму.

— Шаманы, можетъ быть, лѣчили тебя изъ корысти, сказалъ о. Серафимъ, а я лѣчилъ тебя потому, что Господь, которому я служу и котораго заповѣдямъ я призванъ учить васъ, приказываетъ намъ дѣлать добро ближнимъ, всѣмъ людямъ, какого бы роду или племени они не были. Мы должны дѣлать добро

не только друзьямъ нашимъ, но и врагамъ, и не требовать никакой награды. Если бы кто нибудь изъ вашихъ шамановъ, которые говорятъ вамъ обо мнѣ худое, заболѣлъ, я тоже лѣчилъ бы его и молился бы о немъ, потому что такъ поступать насъ учитъ Христосъ. Что удивительнаго въ томъ, что мы любимъ тѣхъ, кто насъ любитъ. Мы должны любить и дѣлать добро тѣмъ, кто насъ ненавидитъ, дѣлаетъ намъ зло. Если будете поступать такъ, то между вами не будетъ ни ссоръ, ни споровъ. А то, что ты предлагаешь мнѣ, я не возьму, потому что оно мнѣ совсѣмъ не нужно, отдай лучше это тѣмъ, кто нуждается больше тебя.

— Возьми, не обижай меня. Если ты не возьмешь весь родъ будетъ укорять меня въ томъ, что я не одарилъ тебя.

Больной настаивалъ, о. Серафимъ отказывался; наконецъ онъ взялъ подарки съ тѣмъ, чтобы пожертвовать ихъ въ пользу жителей одной заимки, гдѣ случился неуловъ рыбы.

Такіе поступки снискали о. Серафиму любовь и уваженіе всего населенія далекой окраины, осѣдлаго и бродячаго, и, кто знаетъ, можетъ быть ему удалось бы до извѣстной степени сдѣлать бродячихъ инородцевъ христіанами на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только, если бы его не отозвали въ областной городъ. Его отозвали для того, чтобы поручить ему болѣе почетное и важное дѣло, и онъ долженъ былъ повиноваться своему начальству. Съ истинно христіанскимъ смиреніемъ исполнилъ онъ распоряженіе своего начальства; онъ не отговаривался, не отписывался, какъ дѣлали другіе. О причинахъ его перевода говорили

различно. Говорили, что его перевели оттого, что онъ представлялъ мало списковъ пріобщенныхъ къ церкви и что поэтому миссія его, по мнѣнію начальства, была неуспѣшна; говорили, что о. Паисій писалъ на него доносы и что вообще его сослуживцы жаловались, что съ нимъ служить нельзя, потому что онъ своимъ нелѣпымъ безкорыстіемъ бросаетъ тѣнь па своихъ товарищей. Тѣмъ, что онъ не бралъ, онъ компрометировалъ въ глазахъ инородцевъ тѣхъ, кто бралъ, а брали всѣ; нельзя было не брать, такъ ужъ было заведено. Одинъ не долженъ былъ мѣшать всѣмъ. О. Серафимъ не подходилъ подъ общепринятую мѣрку и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который подходилъ подъ эту мѣрку. Онъ ушелъ для того, чтобы своимъ неравенствомъ съ другими не породить смуту среди равныхъ. А Преосвященный не любилъ смуты, а любилъ, чтобы все было тихо и смирно, какъ было заведено искони.

На мѣсто о. Серафима пріѣхалъ другой миссіонеръ, какъ двѣ капли воды похожій на о. Паисія.

Но среди тологонскаго рода и другихъ сосѣднихъ долго жило воспоминанье о добромъ священникѣ. Оно проходило свѣтлымъ лучомъ среди мрачныхъ тѣней, пробѣгавшихъ по тихой глади ихъ мирнаго существованія. Эти мрачныя тѣни бросали на ихъ жизнь разные торговцы, чиновники, продавцы спирта,—предвѣстники эволюціи, которая когда нибудь должна совершиться въ странѣ бродячихъ инородцевъ и принести имъ гибель....

III.

Что подарилъ купецъ Аѳанасій Ивановичъ Тологонскому роду.

Разъ пріѣхалъ къ тунгусамъ тологонскаго рода русскій купецъ и остановился у стараго Сантая, въ крещеніи Ѳедота. Зачѣмъ пріѣхалъ онъ? Онъ не былъ нуженъ тологонскому роду: у промышленниковъ этого рода былъ достаточный запасъ свинцу и пороху, который они получили изъ города отъ начальства, черезъ своего старосту. Ихъ староста ежегодно ѣздилъ въ городъ и покупалъ „въ казнѣ“ запасъ пороху и свинцу на весь годъ. Въ каждомъ семействѣ было немного чаю, достаточно табаку, а безъ остального, чего имъ недоставало, они могли обойтись до тѣхъ поръ, пока они опять не приблизятся къ тому пункту, гдѣ у рода происходила встрѣча со знакомыми купцами, ежегодно пріѣзжающими въ опредѣленное время.

Не нуженъ былъ купецъ тологонскому роду, а родъ нуженъ былъ купцу. Аѳанасій Ивановичъ хотѣлъ разбогатѣть, а разбогатѣть нельзя было, сидя въ стѣнахъ своего дома, вотъ онъ началъ думать и гадать, какъ бы стать богатымъ. У него была смертная охота дѣйствовать: покупать, продавать, мѣнять, обмѣривать и обсчитывать; а такъ какъ онъ не могъ испробовать свое искусство на самомъ себѣ, то онъ рѣшилъ поискать для этого подходящихъ людей. Еще никто не богатѣлъ отъ самого себя, а отъ людей, правильно разсудилъ Аѳанасій Ивановичъ. Да, но отъ ка-

кихъ людей? продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою. Только не отъ такихъ людей, какъ ты самъ. Отъ такихъ, братъ, не разживешься: среди такихъ, что сами умѣютъ продавать, покупать, обмѣривать, съ голоду пропадешь. Надо найти такихъ людей, чтобы не хотѣли разбогатѣть и не умѣли бы обсчитывать, а умѣли бы только работать,—простяковъ, однимъ словомъ. Вотъ и сталъ думать Аѳанасій Ивановичъ гдѣ бы самыхъ что ни на есть простыхъ людей отыскать, чтобы черезъ нихъ поскорѣй разбогатѣть. И пришло ему на умъ ѣхать къ бродячимъ инородцамъ кочевать съ ними, и скупать у нихъ за безцѣнокъ всѣ шкуры звѣрей, которыхъ поймаютъ они въ тайгѣ. Хотя и трудная жизнь въ тайгѣ! Скучны ночи въ дымной ровдужной палаткѣ, на оленьей шкурѣ, безъ толстой супруги; скучны дни безъ вкусныхъ домашнихъ обѣдовъ, пельменей, стерляжьей ухи и прочихъ лакомствъ, которыя такъ искусно приготовляетъ его подруга жизни. Скучна жизнь безъ домашняго комфорта, на мху посреди лѣса, подъ солнцемъ, которое лѣтомъ такъ нещадно печетъ, подъ вѣтромъ, который осенью такъ сердито воетъ, подъ дождемъ, подъ снѣгомъ, который покрываетъ зимою землю тунгусовъ сплошнымъ бѣлымъ саваномъ! За то и барыши большіе! Что ни добудетъ промышленникъ, все отдаетъ купцу, которому онъ ужъ напередъ пропилъ свой будущій промыселъ: песцовъ, лисицъ, бѣлокъ, еще свободно бѣгающихъ въ тайгѣ. Дикіе люди пьютъ съ увлеченіемъ и также дѣлятся со своими ближними огненной водой, какъ и продуктами промысла. Все пропиваютъ они ловкимъ торговцамъ: свои

запасы и свои надежды. . . Еще лисицы сидятъ въ тайгѣ по норамъ, а тунгусы уже пропили ихъ и человѣкъ, которому они пропили ихъ, ѣздитъ съ ними и ожидаетъ, пока они не поймаютъ обѣщанныхъ лисицъ. Случается такъ, что они вовсе не ловятъ столько лисицъ, сколько обѣщали, и разсчеты торговцевъ не совсѣмъ оправдываются, но чаще всего они исполняютъ то, что обѣщаютъ, они держатъ свое слово, даже данное въ пьяномъ видѣ.

Аѳанасій Ивановичъ зналъ свойство тунгусовъ пропивать свой промыселъ и надежды на промыселъ, и на этомъ свойствѣ онъ основывалъ свои разсчеты на большіе барыши. Онъ купилъ двѣ фляги спирту, самаго плохого качества, влилъ во фляги по ведру воды, взялъ, кромѣ того, чаю „байховаго“ и кирпичнаго, сахару, платковъ, ситцу, кумачу и другого товару „на инородческую руку“, нанялъ проводника метиса, полутунгуса, полуякута, и покатилъ на оленяхъ къ ближайшимъ бродячимъ инородцамъ. Кому то выпадетъ на долю счастье принимать у себя дорогого гостя, „человѣка съ огненной водой?“ *) Это счастье случалось рѣдко, потому что среди людей, желающихъ разбогатѣть, было мало охотниковъ кочевать съ тунгусами. Такое счастье выпало на долю тологонскаго рода.

Не все такъ происходило на самомъ дѣлѣ, какъ предполагалъ Аѳанасій Ивановичъ въ мечтахъ. Онъ мечталъ пріѣхать, увидѣть и разбогатѣть, онъ хотѣлъ съ перваго абцуга завладѣть всѣми лисицами, песцами,

---

*) Огненной водой бродячіе инородцы, въ особенности чукчи, называютъ водку.

бѣлками, которыхъ добыли тунгусы въ своихъ лѣсахъ. Но онъ порядкомъ намучился, пока доѣхалъ къ нимъ и пока нашелъ ихъ. Проводникъ долго возилъ его по лѣсамъ, горамъ, озерамъ, ища тунгусовъ, но тунгусовъ нигдѣ не было. Аѳанасій Ивановичъ сердился.

— Куда же ты меня возишь, лѣсной дьяволъ! Ты, поди, самъ не знаешь, гдѣ ихъ искать, говорилъ онъ въ сердцахъ, послѣ неудачныхъ поисковъ, располагаясь въ палаткѣ, разбитой на снѣгу.

— Какъ не знаешь? Я съ ними, защищался проводникъ, не одинъ годъ кочевалъ. Въ это время здѣсь промышляютъ .. Прежде было такъ. Годъ на годъ не походитъ: теперь, видно, на другой рѣчкѣ, Быстрой, охотничаютъ. Завтра поѣдемъ туда.

— А далеко-ли?

— Четыре ночи ночуемъ, на пятую доѣдемъ.

Аѳанасій Ивановичъ разводилъ руками и они ѣхали дальше, ночевали 4 ночи, въ палаткѣ на снѣгу, на пятую ночь пріѣзжали на рѣчку Быструю, но тунгусовъ не было тамъ. Ѣхали они на другое мѣсто, гдѣ по мнѣнію проводника они должны были промышлять. Но тунгусовъ не было, а были, въ одномъ мѣстѣ, снѣгъ и голые камни, въ другомъ—тоже снѣгъ, кочки, ямы и тальникъ, въ третьемъ—лиственичный лѣсъ, потомъ опять камни, опять кочки, тальникъ и лиственницы. Всѣ мѣста были такъ похожи одни на другія, что Аѳанасій Ивановичъ удивлялся какъ проводникъ различалъ ихъ. Часто проводникъ ѣздилъ на своихъ оленяхъ осматривать окрестности, искать какихъ то примѣтъ, по которымъ онъ могъ узнать мѣстность, оставляя Аѳанасія Ивановича одного мерзнуть на сво-

сй нартѣ Аѳанасій Ивановичъ скучалъ: все въ землѣ тунгусовъ было такъ однообразно, уныло! Если бы онъ могъ чувствовать и воспринимать красоту природы, онъ нашелъ бы ее въ странѣ тунгусовъ и это умѣрило бы его скуку.

Проводникъ, не погруженный въ заботы о барышахъ и наживѣ, воспринималъ эту красоту.

— Посмотри, великій духъ зажегъ костеръ на небѣ, сказалъ онъ ему разъ рано утромъ, когда они ѣхали среди горъ.

— Что? Какой костеръ? спросилъ Аѳанасій Ивановичъ, позѣвывая.

Тунгусъ указалъ на горы, гдѣ всходило солнце. Оно свѣтило уже надъ тою землей, которая была гдѣ то далеко на востокѣ, за землей тунгусовъ, на хребты бросало свои лучи издалека; эти живительные лучи, какъ бы оставляя свой огонь, свой свѣтъ и тепло на другихъ безчисленныхъ горахъ, встрѣчавшихся имъ по пути, замирали на горахъ тунгусской земли, розовымъ пламенемъ разливаясь по небосклону. Но солнце шло къ хребтамъ и заря гасла, блѣднѣла; звѣзды меркли, золотились грани вершинъ.

— Что, парень, шаманишь! сказалъ суевѣрный Аѳанасій Ивановичъ. Гдѣ ты видишь какого то духа?

— Онъ шагаетъ по камнямъ и стрѣляетъ по звѣздамъ; въ какую изъ нихъ ни пуститъ онъ свою стрѣлу, та и гаснетъ... Настанетъ вечеръ, онъ ихъ зажжетъ опять...

— Полно-те шаманить!

Но проводникъ не могъ удержаться и шаманилъ. Онъ началъ пѣть, глядя на небо. Онъ пѣлъ о томъ, что говорила ему природа его родины.

А Аѳанасій Ивановичъ не любовался ни восходомъ ни заходомъ солнца въ горахъ, ни блескомъ луны на снѣжномъ уборѣ лѣсовъ, ни свѣтомъ звѣздъ на небѣ. Онъ былъ поглощенъ своими мыслями, думалъ о своей супругѣ, о домѣ, о долгахъ, взысканіе которыхъ онъ поручилъ приказчику... Заботы мѣшали ему любоваться тѣмъ, что было красиваго въ природѣ. Мелочные разсчеты и мысли о томъ какъ бы разбогатѣть отъ простыхъ людей, не давали ему покоя. Его сердило, что тунгусы, которыхъ онъ ищетъ, какъ бы прятались отъ него.

Наконецъ, подъѣзжая къ одной рѣчушкѣ, проводникъ повернулъ голову къ Аѳанасію Ивановичу и весело улыбнулся.

— Не печалься, сказалъ онъ, указывая на сосѣдній лѣсъ. Тамъ тунгусы.

— Откуда знаешь?

— Понюхай-ка, воздухъ.

— Ну?...

— Дымъ!

Аѳанасій Ивановичъ нюхалъ воздухъ, но не чувствовалъ запаха дыму и только черезъ полчаса ѣзды, онъ убѣдился, что проводникъ правъ.

— Ну собачій же нюхъ у этихъ ломутковъ! *), сказалъ онъ про себя.

Простые и глупые люди, при помощи которыхъ можно было разбогатѣть, были найдены. Это была семья

*) Въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ тунгусовъ называютъ ломутками (par mépris) Каменные ломуты, живущіе по горамъ въ этихъ округахъ, принадлежатъ къ тунгусскому племени.

Өедота Сантая (якутское прозвище), самаго богатаго и уважаемаго изъ Тологонскаго рода.

Тунгусы вышли изъ палатокъ на встрѣчу дорогому гостю и привѣтствовали его, троекратно цѣлуясь съ нимъ. Сейчасъ же былъ заколотъ лучшій олень стада, въ честь гостя. Всѣ тунгусы, кочевавшіе по близости, точно по запаху узнали, что готовится пиръ въ стойбищѣ Сантая и съѣхались туда и усѣлись въ палаткѣ вокругъ очага на шкурахъ. Были наварены груды оленьяго мяса и на сковородахъ поставлены на дощечки, замѣнявшія столы. Өедотъ жестомъ пригласилъ гостя взять первому лучшій кусокъ; вслѣдъ за тѣмъ всѣ присутствующіе взяли по куску и ѣли съ помощью своихъ ножей. Опорожненныя сковороды были своевременно замѣняемы другими полными.

— Съ товаромъ пріѣхалъ къ намъ, спросилъ Өедотъ Аөанасія Ивановича, торговаться? Тотъ подтвердилъ кивкомъ головы.

— Не пожалѣешь о томъ, что пріѣхалъ. Мы тебя не обидимъ. Мы считаемъ за грѣхъ отпустить отъ себя человѣка съ пустыми руками. Хочешь, живи съ нами и торгуйся, съ кѣмъ желаешь. А когда мы покочуемъ отсюда дальше, то и тебя возьмемъ съ собою. Аөанасій Ивановичъ благодарилъ Өедота за гостепріимство черезъ своего проводника, обязавшагося служить ему переводчикомъ, и поднесъ ему въ подарокъ фунтъ фамильнаго чаю, кусокъ сахару и бутылку водки.

Өедотъ налилъ первую самому Аөанасію Ивановичу, но тотъ отказался, ссылаясь на болѣзнь, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы не пить вмѣстѣ съ тунгусами, потому что тогда пришлось бы иной разъ угощать

ихъ водкой даромъ. Подаренная бутылка была вскорѣ опорожнена и Сантай въ учтивыхъ выраженіяхъ попросилъ у дорогого гостя дать ему еще одну бутылку не въ качествѣ подарка, а въ долгъ.

— Установи цѣну на нее. И другіе люди будутъ у тебя брать. Сегодня я угощаю всѣхъ, а завтра кто нибудь другой будетъ угощать всѣхъ... Мы дружно вѣдь живемъ!

Послѣ совѣщанія съ проводникомъ, была установлена цѣна водки; три лисицы за двѣ бутылки, 30 бѣлокъ за 1 бутылку, а оленьи шкуры и мелочь (выпоротки, пыжики, недоросли) по соглашенію каждый разъ.

Послѣ двухъ, трехъ бутылокъ, глаза гостей заблестѣли, лица разгорѣлись, движенья стали свободнѣе, рѣчи громче и живѣе. Всѣми завладѣло страстное желаніе говорить и подѣлиться мыслями. Каждый говорилъ то, что раньше думалъ про себя. Огненная вода развязала языки дикихъ людей, пробудила въ ихъ воображеніи все то, что говорила имъ природа ихъ родины. Какъ она была однообразна и уныла, также однообразны были ихъ рѣчи и пѣсни. Въ родной природѣ были льды, снѣга, камни, мохъ, трава и деревья... вездѣ одно и тоже на каждомъ шагу, въ каждомъ уголкѣ ихъ пустынной земли... Въ пѣсняхъ были гортанные звуки, однообразный вѣчно повторяющійся одинаково напѣвъ .. По уваженіе къ старшимъ среди тунгусовъ было такъ велико, что и во время общей попойки, когда говорилъ кто нибудь изъ стариковъ или шамановъ, молодежь умолкала и хранила въ продолженіе ихъ рѣчей учтивое молчаніе. Чашка съ водкой

обходила кругъ. Когда кончалась одна бутылка, кто нибудь изъ пирующихъ подходилъ къ Аѳанасію Ивановичу и покупалъ другую. Аѳанасій Ивановичъ устроилъ импровизированный кабачекъ въ углу ровдужной палатки Сантая. Онъ наливалъ изъ фляги бутылки, принималъ въ уплату за водку лисицъ и бѣлокъ, которыхъ онъ пряталъ въ походный обшитый кожею ящикъ или просто въ кожанную суму, записывалъ въ памятную книжечку, кто и сколько задолжалъ ему. Почти всѣ пирующіе были записаны въ его книжечку; но они не думали о будущемъ и со свойственной ихъ племени безпечностью, веселились. Многіе изъ нихъ такъ воодушевлялись добротой гостя, что пѣли импровизированныя пѣсни въ честь его и огненной воды, которая заставила ихъ веселиться и въ одну ночь помогла забыть огорченія многихъ лѣтъ... Только утромъ, когда зарумянилась заря, пирующіе разъѣхались по своимъ стойбищамъ и легли спать.

Такъ отпраздновали тунгусы тологонскаго рода пріѣздъ купца съ огненной водой!

Но не все пили они. Выпивъ обѣ привезенныя гостемъ фляги водки, они успокоились и начали промышлять пушныхъ звѣрей, чтобы заплатить Аѳанасію Ивановичу за выпитую водку и за забранные товары. Промышлять звѣрей нельзя было сидя на одномъ мѣстѣ; надо было преслѣдовать ихъ по всей тайгѣ: по горамъ, ущельямъ, долинамъ, неустанно гнаться за ними; употреблять хитрость и напрягать силы, чтобы ловить ихъ для добраго купца, привезшаго имъ чудодѣйственную огненную воду. Аѳанасій Ивановичъ ѣздилъ съ ними вмѣстѣ, его вьючный, обтянутый кожей

ящикъ былъ давно полонъ, а кожаная сума съ каждымъ днемъ полнѣла. Товаръ уменьшался и скоро вышелъ весь. Но надо было бродить еще нѣкоторое время по тайгѣ, пока долги не были собраны. Наконецъ этотъ давно лелѣянный въ мечтахъ моментъ наступилъ: тунгусы расплатились со своимъ гостемъ, сдержали слово, данное въ пьяномъ видѣ. Мытарства Аѳанасія Ивановича кончились и онъ давалъ прощальный вечеръ тунгусамъ въ палаткѣ Ѳедота. Какъ искусный дипломатъ, онъ подарилъ самымъ знатнымъ изъ тунгусовъ по бутылкѣ водки, нарочито для этого случая припрятанныхъ на днѣ ящика.

Мечты его разбогатѣть начинали сбываться: весь тологонскій родъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ работалъ на него, ловилъ для него пушныхъ звѣрей: еще нѣсколько такихъ поѣздокъ—и онъ можетъ перебраться въ другой городъ побольше города Тундринска, гдѣ онъ началъ свою карьеру. Большому караблю—большое плаванье. Онъ былъ очень веселъ и во снѣ онъ видѣлъ себя всѣми уважаемымъ купцомъ 1-й гильдіи, видѣлъ совершившимся все то, о чемъ онъ мечталъ столько лѣтъ. Ему снилось, въ дымной ровдужной палаткѣ Сантая, что онъ разбогатѣлъ, переѣхалъ въ другой городъ поближе къ пріискамъ, открылъ свою бакалею, винное дѣло... „Да и масляное и мясное—не мѣшаетъ" (предвкушалъ онъ, во снѣ, свои разсужденія). Скупать масло и мясо и отправлять на пріиска! Вотъ гдѣ—золотое дно! Вотъ онъ и на пріискахъ—главный подрядчикъ; всѣ ему кланяются; самъ знаменитый пріисковый реформаторъ, заведшій новые порядки, Науманъ подаетъ ему два пальца. Онъ разъ-

ѣзжаетъ на рысакахъ съ управляющими, пьетъ съ ними „шиппанское", заключаетъ контракты, беретъ задатки и потихоньку черезъ своихъ агентовъ скупаетъ у пріисковыхъ рабочихъ утаенное золото... Да точно ли это Аѳанасій Ивановичъ? Конечно никто другой, а онъ: въ скупкѣ краденаго золо́та онъ узнаетъ себя, какъ нельзя лучше. Городокъ, который избралъ онъ своимъ мѣстожительствомъ, весь у него въ рукахъ. Онъ скупилъ въ городѣ и окрестностяхъ все масло, все мясо, весь хлѣбъ и устанавливаетъ на все цѣны по своему произволу... Когда его не было въ городѣ всѣ имѣли мясо, масло, сѣно, хлѣбъ. Но когда онъ пріѣхалъ и раскинулъ свои сѣти, никто не имѣлъ уже масла, хлѣба, мяса, а имѣлъ онъ одинъ и тотъ, кому онъ пожелаетъ дать. Винное дѣло (продолжалъ онъ мечтать во снѣ) онъ забралъ одинъ въ свои руки: во всемъ округѣ никто не смѣетъ открыть подвала или кабака безъ его разрѣшенія. Еслибы нашелся такой смѣльчакъ, онъ съумѣлъ проучить его: онъ понижалъ бы цѣну на вино до тѣхъ поръ, пока не раззорилъ бы конкуррента, а раззоривши, онъ опять поднялъ бы цѣну вина до небывалыхъ размѣровъ Онъ одинъ „орудываетъ" по винной части и никто ему не указъ. Весь народъ пьетъ въ его „Аѳанасій Ивановичевыхъ" кабакахъ и всѣ заботящіеся о судьбѣ этого народа —исправникъ, засѣдатели, полицейскіе, писаря изъ привиллегированныхъ ссыльныхъ, находятъ, что это большое благо, что народъ пьетъ именно въ кабакахъ Аѳанасія Ивановича, который такъ щедръ, добръ и милосерденъ. Онъ жертвуетъ нѣкоторую часть кабацкихъ доходовъ на бѣдныхъ, на пріюты, на школы; вся

шея его обвѣшана медалями, полученными въ награду за эти пожертвованія... Наконецъ, исполненные благодарности за то, что Аѳанасій Ивановичъ поднялъ промышленность края (устроивъ винокуренный заводъ), жители города выбираютъ его городскимъ головою. Онъ хозяинъ города и всецѣло отдался дѣлу улучшенія и украшенія города. Благодаря его стараньямъ, городъ принялъ приличный видъ; всѣ необходимыя учрежденія въ немъ есть: школы, рейнсковые погреба, гостинницы, дома терпимости; и все это устроилъ и привелъ въ надлежащій видъ Аѳанасій Ивановичъ... Вотъ онъ присутствуетъ при закладкѣ новаго учрежденія, въ которомъ уже давно чувствовалась настоятельная необходимость—тюрьмы... Онъ беретъ молотокъ, чтобы ударить имъ по краеугольному камню и передъ этимъ говоритъ рѣчь: „Господа! Столько лѣтъ мы мечтали имѣть новую, помѣстительную, соотвѣтствующую новѣйшимъ требованьямъ науки тюрьму, теперь наши мечты осуществились... Пожелаемъ же новому учрежденію успѣха, да принесетъ оно обществу ту пользу, которую мы въ правѣ ожидать отъ него".

Во снѣ ему казалось, что онъ, на яву не отличающійся краснорѣчіемъ, говоритъ такъ хорошо, что всѣ прослезились, всѣ пришли въ восхищенье и въ восторгѣ готовы сѣсть тотчасъ же въ тюрьму, которую выстроитъ Аѳанасій Ивановичъ. Всѣ жмутъ ему руки, благодарятъ его, а онъ приглашаетъ всѣхъ къ себѣ на обѣдъ. „Милости просимъ ко мнѣ, пирожка откушать." Но самого обѣда не пришлось увидить во снѣ Аѳанасію Ивановичу. Онъ проснулся и убѣдился, что мечты обманчивы. Плѣнительныя видѣнья исчезли и

оставили его одного въ дымной палаткѣ среди бродячихъ инородцевъ. Покуда онъ находился только въ началѣ своей карьеры, въ такихъ заманчивыхъ образахъ витавшей передъ нимъ во снѣ!

Утромъ онъ всталъ, простился съ инородцами и уѣхалъ, оставивъ по себѣ пріятное воспоминанье въ тунгусскихъ стойбищахъ. Среди промысловъ и охотничьихъ трудовъ оно скоро забылось, прошло, разсѣялось, какъ сонъ.

Но пребыванье Аѳанасія Ивановича среди бродячихъ инородцевъ не прошло безслѣдно для тологонскаго рода.

Послѣ отъѣзда дорогого гостя женщины, а вскорѣ потомъ мужчины, начали заболѣвать странной, дотолѣ извѣстной только по наслышкѣ, болѣзнью. У заболѣвшихъ припухали железы, или, какъ выражались тунгусы, жилы, высыпали на лицѣ и на разныхъ частяхъ тѣла красные прыщи; затѣмъ припухлости начинали разлагаться, обращались въ язвы, а иногда отваливались; общая слабость овладѣвала всѣмъ тѣломъ, болѣли кости. Заболѣвшіе не могли уже попрежнему неутомимо преслѣдовать звѣрей. Тунгусы были очень огорчены появленіемъ среди нихъ этой болѣзни, но не ставили ее въ связь съ посѣщеніемъ ихъ купцомъ съ огненной водой, а приписывали ее гнѣву боговъ. Для того, чтобы узнать, какой именно духъ на нихъ разсердился и упросить его смягчить гнѣвъ, они прибѣгали къ излюбленному средству,—заклинанію духовъ при помощи шамана; о. Серафима среди нихъ уже не было: не у кого было просить совѣта и исцѣленія.

А между тѣмъ виновникомъ распространенія среди инородцевъ тологонскаго бродячаго рода болѣзни,

былъ именно Аѳанасій Ивановичъ. Онъ пользовался широкимъ гостепріимствомъ во всѣхъ семействахъ тологонскаго рода. Это гостепріимство простиралось до того, что благодарные за огненную воду инородцы давали ему своихъ женъ во временное пользованье. Таковъ былъ ихъ обычай, перенятый у чукчей: ничего не жалѣть для друзей. Инородцы думали, что ихъ гость поступаетъ точно также, когда у него въ домѣ гоститъ его другъ. Аѳанасій Ивановичъ и самъ былъ не промахъ „по части женскаго пола" и когда промышленники уходили въ горы ловить для него лисицъ и бѣлокъ, онъ „баловался" съ остававшимися въ лагерѣ женщинами. Онѣ были въ восторгѣ отъ его подарковъ: красныхъ платковъ, серебряныхъ рублей и другихъ украшеній, при одномъ взглядѣ на которыя у дикарокъ загоралисъ глаза.

А что у него была золотуха *), скверно залѣченная, отъ чего у него на тѣлѣ были пятна мѣдно-краснаго цвѣта,—это ему было нипочемъ. И вотъ этотъ почтенный культуртрегеръ, въ распоряженіи котораго съ городѣ, гдѣ онъ жилъ, былъ врачъ, фельдшеръ, больница, аптека, надѣлялъ здоровыхъ и сильныхъ дикарей „золотухой", отъ которой они не знали другого лѣкарства, кромѣ заклинанія духовъ...

Такъ занесенъ былъ сифилисъ въ стойбища тологонскаго рода. Много тогда умерло людей; не помогли моленія волхвовъ и шамановъ. Впрочемъ, помогъ инородцамъ тотъ же Аѳанасій Ивановичъ, который и на-

*) Такъ въ сѣверныхъ округахъ Якутской области русскіе называютъ сифилисъ.

дѣлилъ ихъ болѣзнью. Услышавъ, что среди тунгусовъ тологонскаго рода завелась «золотуха», онъ привелъ имъ лѣкарство, траву сасапарелль *). Онъ научилъ ихъ дѣлать изъ нея декоктъ и пить его при извѣстной діэтѣ. Нѣкоторые послушались его и получили облегченіе. Много лисицъ намѣнялъ онъ тогда за чудодѣйственную траву. Съ этого времени это средство вошло въ славу среди тунгусовъ. Но сильный организмъ дикаго охотничьяго народа былъ отравленъ; дѣти рождались хворые, мелкіе, тщедушные. Тологонскій родъ началъ чахнуть!

Старики посматривали на свое потомство и удивлялись, что сыновья богатырей, выходившихъ на медвѣдя одинъ на одинъ съ одною пальмою въ рукахъ, были такъ слабы, блѣдны, малы ростомъ. Правда, многіе изъ внуковъ не уступали въ ловкости своимъ предкамъ. Но куда дѣвалась ихъ сила?

— Измельчалъ нашъ доблестный родъ, говорили старики между собою, глядя на молодежь. Таковы ли были наши отцы? таковы ли и теперь наши старѣющіеся дѣти? Такое ли малочисленное потомство оставляли по себѣ наши дѣды?..

Лица стариковъ хмурились, печаль закрадывалась имъ въ душу, закрадывалось смутное предчувствіе, что родъ доблестныхъ звѣролововъ обреченъ гибели.

*) Radix Sassaparillae или decoctum Sassaparillae s. Z. fortus, — очень распространенное лѣкарство противъ сифилиса среди инородцевъ Як. об.

IV.

Разсказъ стараго Неликана.

На границѣ тундръ, тамъ, гдѣ угрюмыя горы Яблонового хребта рядами понижающихся холмовъ подвигаются къ Ледовитому морю, на берегу рѣчки, подобно синей лентѣ съ зелеными каемками извивающейся среди холмовъ, расположены прекрасныя оленьи пастбища, обширныя поляны, заросшія мхомъ. Здѣсь каждый годъ собирается нѣсколько тунгусскихъ родовъ пасти оленей и отдыхать отъ долгихъ зимнихъ странствованій. Холмовъ здѣсь такъ много, что немудрено заблудиться среди нихъ. Кажется, что они тоже подвигаются впередъ, вслѣдъ за человѣкомъ, который спѣшитъ выбраться на просторъ. Только горная рѣчка, сверкающая въ лучахъ солнца, служитъ путеводной нитью въ этомъ лабиринтѣ возвышенностей, разступающихся передъ нею; она идетъ дальше, чѣмъ холмы, и приводитъ наконецъ въ пустынныя равнины, гдѣ кончаются лѣса и начинается тундра. Холмы перестаютъ двигаться, идти впередъ; они ложатся, уходятъ въ землю, сливаются съ зеленой лѣтомъ и бѣлой зимою равниной, безконечной далью, не запертой ничѣмъ кромѣ неба. Эта даль принадлежитъ чукчамъ до самаго моря.. Всѣ знали, что за тундрой—море, что за моремъ—никто не зналъ, ни среди чукчей, ни среди тунгусовъ. По разсказамъ стариковъ, тамъ живетъ великій духъ моря, владѣющій вѣтрами. Тунгусы шли въ землю чукчей подъ покровительство этого духа. Онъ посылалъ съ моря вѣтеръ и спасалъ ихъ стада

отъ тучи комаровъ и оводовъ, заѣдавшихъ оленей въ лѣсахъ.

Здѣсь на тучныхъ пастбищахъ заставали тунгусы вольныхъ хозяевъ тундры, обладающихъ огромными стадами оленей и братались съ ними. Хорошо и привольно жилось въ тундрахъ бродячимъ инородцамъ; они не терпѣли нужды ни въ чемъ. У всѣхъ было еще много чаю, табаку и другого товару, которымъ всѣ запаслись на недавно окончившейся ярмаркѣ въ крѣпости Островной на рѣкѣ Анюѣ. Всѣ бродячіе инородцы были веселы и беззаботны; они отдыхали, лѣнились, ѣздили въ гости къ другимъ. Чукчи угощали тунгусовъ чаемъ и мясомъ своихъ стадъ; тунгусы угощали чукчей мясомъ оленей, добытыхъ охотою по холмамъ и гольцамъ. Дикіе олени шли тогда изъ лѣсовъ въ тундры, спасаясь отъ оводовъ. Искусные охотники подстерегали оленей въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими и убивали изъ винтовокъ. Убивъ достаточное количество оленей, а иногда и сохатыхъ, они возвращались въ свой лагерь и посылали приглашать чукчей и своихъ соплеменниковъ на пиръ. Всѣ гости являлись въ праздничныхъ одеждахъ: въ черныхъ пыжиковыхъ кафтанахъ и налекинахъ *), расшитыхъ бисеромъ, въ длинныхъ унтахъ **) изъ оленьихъ лапъ или изъ кожи сохатаго; женщины—въ костюмахъ, увѣшанныхъ серебряными бляхами, монетами и колокольчиками. Чукчи приходили въ ровдужныхъ камлеяхъ ***), расшитыхъ кусочками цвѣтной кожи или отороченныхъ

*) Налекинъ—передникъ.

**) Унты—родъ сапогъ съ длинными голенищами.

***) Камлея—родъ рубахи съ капюшономъ сзади

красной ровдугой и въ „американскихъ" рубахахъ *) съ крупными, синими узорами. Пестрое зрѣлище представляло собраніе бродячихъ инородцевъ. Всѣ гости разсаживались на травѣ невдалекѣ отъ палатокъ; женщины тунгуски, звеня на ходу металлическими побрякушками, разносили гостямъ мясо на желѣзныхъ сковородахъ, помогавшія имъ чукчанки, скинувъ одежду до пояса, разливали чай. Всѣ ѣли, какъ богатыри, о которыхъ разсказывалось въ сказкахъ. Кромѣ ѣды, бродячіе инородцы развлекались еще играми: они боролись, состязались въ бѣгѣ, прыганьи, въ стрѣльбѣ изъ лука и винтовокъ въ цѣль. Старики сидѣли полукругомъ, покуривая трубки, и глядѣли на забавы молодежи. Чукотскіе шаманы съ длинными заплетенными косами сидѣли на почетномъ мѣстѣ рядомъ съ тунгусскими, обмѣнивались мыслями и подбодряли состязавшихся юношей.

По вечерамъ бывали пляски. Чукчи мужчины плясали неуклюже, храпя какъ медвѣди, и размахивая руками, какъ кулачные бойцы, женщины тоже размахивали руками въ пляскѣ, но изящнѣе, стараясь подражать полету птицъ. Стройные тунгусскіе юноши плясали болѣе граціозно, становясь въ кругъ и берясь за руки; старики, сидя, качались всѣмъ тѣломъ въ тактъ пляски и своими восклицаніями участвовали въ общемъ весельи. И заря, горѣвшая всю ночь на небѣ, тоже какъ бы участвовала въ ихъ хороводѣ, прыгая своими отраженіями по серебрянымъ блесткамъ, звѣнѣвшимъ на груди у дѣвушекъ, на головныхъ повяз-

*) Рубахи, покупаемыя у американскихъ китолововъ.

кахъ, сдерживающихъ ихъ черные распущенные волосы. Безпечнымъ дѣтямъ природы казалось, что все кругомъ веселится вмѣстѣ съ ними; казалось, что пляшутъ листья стройныхъ тополей, окаймляющихъ горную рѣчку, а на дальнихъ ея берегахъ колышутся и плявутъ прозрачные, какъ легкій дымокъ, туманы, прежде чѣмъ упасть на землю росой.

На слѣдующій день чукчи приглашали къ себѣ тунгусовъ, пригоняли къ лагерю стадо оленей, ловили арканами и кололи для гостей самыхъ лучшихъ оленей „каргиновъ“ *) и снова шли пиры до глубокой ночи, до утра.

Горная рѣчка была такъ удалена отъ мѣстныхъ центровъ культурной жизни, что купцы не могли (а тѣмъ болѣе лѣтомъ) проникнуть на ея берега и потому тамъ, во время собраній, не было у бродячихъ инородцевъ водки, вслѣдствіе чего не было дракъ, ссоръ и побоищъ, которыя происходили среди чукчей въ тѣхъ мѣстахъ, куда могли проникать люди, желающіе мѣной, водкой, картами, проповѣдями, пріобщить къ культурѣ бродячихъ инородцевъ—чукчей, юкагиръ, тунгусовъ...

У края лѣсовъ, кромѣ игръ, плясокъ и пировъ, происходили совѣщанія о дѣлахъ рода, обсужденія общественныхъ нуждъ, дѣлались раскладки повинностей и ясаковъ. Часто тунгусы, кочуя вмѣстѣ съ чукчами, доходили до самаго моря.

Такъ завелось съ давнихъ поръ.

*) Каргинъ — полудикій олень, водящійся въ стадахъ. (а не такъ называемый полевой).

Всѣ семьи тологонскаго рода всегда аккуратно въ извѣстное время собирались на краю лѣсовъ, на рубежѣ чукотской земли, за которой было море великаго духа, владѣющаго вѣтрами.

Но случилось такъ въ одинъ годъ, что никто изъ людей тологонскаго рода не приходилъ ни на чукотскую ярмарку въ крѣпость Островную *), ни къ берегамъ горной рѣчки, на край лѣсовъ. Всѣ другіе тунгусскіе роды, кочевавшіе ближе къ сѣверу, были почти въ полномъ сборѣ. Собрались и чукчи. «Гдѣ же люди тологонскаго рода?», спрашивали тунгусы другъ у друга. Ужъ не случилось-ли какое либо „несчастіе"? Падежъ оленей, упаси Боже?.. Гдѣ теперь кочуютъ они? На всѣ эти вопросы не могъ отвѣтить никто, такъ какъ ни одинъ изъ родовъ, пришедшихъ на край лѣсовъ, не былъ въ этомъ году на территоріи тологонскаго рода, кочевавшаго поюжнѣе. Между тунгусовъ, сидѣвшихъ вокругъ котловъ съ мясомъ, шли всевозможныя догадки о причинахъ отсутствія тологонскаго рода.

— Никто не ѣдетъ изъ народа тологонъ, а давно пора, задумчиво проговорилъ молодой тунгусъ, одѣтый въ щегольской ровдужный кафтанъ, обшитый краснымъ сукномъ по краямъ.

— Люди ненасытны. Мало-ли насъ собралось здѣсь? И почему должны быть всѣ? Развѣ жизнь людей не похожа на дымъ, на тѣнь? Я помню годъ, когда ни одинъ родъ не пріѣзжалъ сюда... Всѣ разсыпались въ разныя стороны, какъ листья по вѣтру.

*) Островная—въ Колымскомъ округѣ, крѣпостца, гдѣ ежегодно происходитъ ярмарки, съѣздъ русск. купцовъ а бродячихъ инородцевъ.

Это сказалъ сѣдоволосый старикъ съ строгими, умными глазами, съ глубокими морщинами поперекъ лба. Онъ держался прямо, какъ юноша, и выраженье лица его было не совсѣмъ стариковское; видно, не годы состарили его. Всѣ, повидимому, слушали его слова съ уваженіемъ:

— Въ этотъ годъ несчастій и испытаній, продолжалъ старикъ, я посѣдѣлъ и сгорбился, лицо мое покрылось морщинами. [illegible]

По лицамъ всѣхъ присутствующихъ тунгусовъ, сидѣвшихъ полукругомъ у костра, около палатки угощающаго весь народъ выборнаго старосты,—пробѣжала тѣнь:

— Не говори! Всѣ мы помнимъ страшный годъ... Не призывай тѣни губителя стадъ! Сказалъ кто то изъ сидѣвшихъ рядомъ.

— Правда, согласились остальные.

— Если у народа тологонъ начался подежъ, то онъ хорошо сдѣлалъ, что пошелъ къ морю другимъ путемъ, боясь заразить наши стада. Я знаю стараго Сантая, котораго слушается весь родъ: онъ скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ сдѣлаетъ зло другимъ... Такъ поступаютъ мужественные люди! Но отъ судьбы не спрячешься ни въ горахъ, ни на берегу моря. Такъ продолжалъ говорить, съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ, старый морщинистый тунгусъ, державшійся прямо, какъ юноша.

Онъ устремилъ свой взоръ за предѣлы поляны, гдѣ былъ разбитъ лагеръ, выборнаго. Казалось, ему мерещились страшныя картины: люди, въ паникѣ разбѣгающіеся по пустынямъ, гибнущія стада... плачъ дѣтей, стоны женщинъ... Грозная тѣнь ангела мщенія, про-

шедшаго по лагерямъ и уничтожившаго десятки тысячъ оленей взглядомъ своихъ пылающихъ очей...

— Закаркалъ старый Тангнаръ! заговорили въ полголоса между собой тунгусы, сидѣвшіе въ концѣ полукруга. Годы гибели прошли. Стада опять народились. Все стало хорошо... Увидите, что онъ станетъ пророчить гибель всему нашему племени;

Они не ошиблись. Старый Тангнаръ впалъ въ какой то пророческій экстазъ. Онъ опять взглянулъ на небо, глаза его засверкали.

— Вотъ смотрите, сказалъ онъ, и поднялъ вверхъ указательный палецъ.

Всѣ съ какимъ то напряженнымъ видомъ, выражавшимъ не то страхъ, не то любопытство, подняли головы и взглянули по направленію пальца. Палецъ былъ направленъ на облако, выплывавшее изъ за ближайшаго холма.

— Это облако. Мы ничего не видимъ, кромѣ облака. А ты что видишь тамъ?

— И не нужно, чтобы вы тамъ что нибудь иное видѣли, кромѣ облака. Это облако будетъ плыть по небу, все увеличиваться, соединяясь съ другими облаками, и наконецъ станетъ темнымъ, сверкнетъ молніей, брызнетъ на землю дождемъ, зальетъ ее водою... Такъ и надъ нашимъ племенемъ виситъ облако... Оно медленно плыветъ, расходится надъ нами, пока не разразится буря. Въ этой бурѣ погибнетъ все наше племя. Развѣ не вся земля между двумя морями принадлежала нѣкогда намъ? Развѣ нашъ народъ не былъ многочисленъ, какъ листья въ тайгѣ? Теперь нашу землю начинаютъ занимать другіе люди; они загнали

насъ въ непроходимыя трущобы, въ недоступные уголки земли нашихъ отцовъ. Придетъ время, они загонятъ насъ еще дальше. Но и это бы еще было ничего, если бы они не трогали нашихъ старинныхъ обычаевъ. Но пришлецы, даютъ намъ свои законы, привычки, свою одежду, свои болѣзни... И мы гибнемъ отъ всего этого, что они даютъ намъ, потому что эти законы, привычки созданы не для насъ, а мы созданы не для нихъ. Мы умираемъ отъ прикосновенья къ нимъ! А не можемъ отвергнуть ихъ, потому что кто разъ вкусилъ соблазна, тотъ не можетъ оторваться отъ него. Кто разъ выпилъ огненной воды отъ русскихъ, готовъ пройти отъ моря до моря, чтобы выпить ее въ другой разъ. Такъ устроила судьба; отъ нея не уйдешь!

— Твоя правда! поддержали оратора старики.

— Развѣ наши стада въ старину, при прадѣдахъ, гибли отъ мора, какъ теперь? Развѣ умирали люди цѣлыми сотнями тогда, когда мы сами владѣли своею землей? Развѣ знали прадѣды наши страшную болѣзнь, отъ которой отваливается тѣло отъ костей? Но это еще не все, что готовитъ намъ судьба!

Старикъ внезапно умолкъ

— Что же ты не говоришь дальше? Спрашивали слушатели, увлеченные горячей рѣчью Тангнара.

— Къ чему послужитъ то, что я буду говорить? Если бы я имѣлъ сто жизней, а не одну жизнь, и сто языковъ, а не одинъ языкъ, и всю жизнь говорилъ ста языками безъ умолку, то и тогда я былъ бы не въ силахъ уберечь отъ судьбы себя, весь мой родъ и самое племя. Развѣ я самъ, соблюдающій старинные

обычаи, не пью огненной воды? Знаю, что она погубитъ мой родъ, а пью, когда купцы пріѣдутъ къ намъ, или когда бываю на ярмаркѣ въ Островномъ. Не умѣю совладать съ собою.. Могу ли я, обреченный гибели, бороться съ тѣмъ, что рѣшено властителями земель, морей, жизни и смерти?

— Мы хотимъ знать, что знаешь ты о томъ, что намъ готовитъ судьба. Моръ, оспу, голодъ?

— Пусть скажетъ вамъ это Неликанъ. Слушайте его рѣчи, а думайте про себя свои мысли.

Всѣ повернули головы къ такому же сѣдому и морщинистому старику, какъ Тангнаръ. Онъ сидѣлъ въ концѣ полукруга, опустивъ голову на грудь. Одѣтъ онъ былъ бѣдно: въ ровдужную рубаху безъ шитья и бисера и такіе же штаны.

Старый Неликанъ не принадлежалъ ни къ одному изъ родовъ, собравшихся на рубежѣ тундры. Онъ былъ пришлецъ съ юга. Его родъ нѣкогда кочевалъ въ верховьяхъ и на среднемъ теченіи Лены, въ 3 тысячахъ верстъ отъ края лѣсовъ, въ кедровыхъ лѣсахъ приленскихъ горъ. Какъ онъ забрался на крайній сѣверо-востокъ, знали немногіе, потому что онъ не любилъ разсказывать о своемъ прошломъ. Извѣстно было, что лѣтъ 30 тому назадъ онъ перешелъ съ р. Лены на Яну, гдѣ никогда не кочевалъ его родъ, а оттуда съ купеческими оленями, въ качествѣ пастуха, прибылъ на Колыму. Здѣсь онъ познакомился со своими сѣверными соплеменниками и примкнулъ къ нимъ. Ему понравилось жить съ ними и онъ остался у нихъ; завелъ десятка два оленей, сѣти, охотничьи снаряды. Дѣтей у него не было, была только жена.

Онъ бродилъ вмѣстѣ съ семьями того рода, который пріютилъ его. Неликанъ не отличался особенной разговорчивостью, но былъ добръ, услужливъ, гостепріименъ и всѣ его любили.

— Разскажи, Неликанъ, обратился къ старику Тангнаръ, какъ погибъ жемиконскій родъ. Прошу тебя.

— И мы просимъ, сказали слушатели.

Неликанъ закрылъ глаза ладонью и сидѣлъ неподвижно, какъ бы собираясь съ мыслями или вызывая въ своемъ умѣ картины давно забытыхъ событій. Потомъ онъ началъ разсказывать исторію гибели жемиконскаго рода, которую онъ не разъ уже разсказывалъ въ теченіе своего тридцатилѣтняго пребыванія въ землѣ сѣверныхъ тунгусовъ нѣкоторымъ изъ своихъ новыхъ друзей, но никогда не разсказывалъ въ большомъ собраніи, среди столькихъ искусныхъ промышленниковъ, храбрыхъ и славныхъ мужей.

— Было время, началъ онъ, когда Неликанъ былъ молодъ и богатъ, имѣлъ большія стада оленей и мѣшки, полные лисицъ, соболей и бѣлокъ. Тогда земля, гдѣ кочевали его предки, была богата: звѣри еще не переселились на сѣверъ. Теперь Неликанъ бѣденъ, уже болѣе 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ бѣднымъ. Нашъ жемиконскій родъ кочевалъ въ землѣ отцовъ и не зналъ нужды. Много добра каждый годъ привозили ему купцы въ обмѣнъ на соболей и лисицъ. Они пріѣзжали въ большихъ лодкахъ на рѣку и ждали насъ. Мы прикочевывали къ рѣкѣ, брали у нихъ чай, табакъ и все, что намъ было нужно и потомъ опять уходили въ лѣса, промышляли по горамъ и часто доходили до береговъ великаго озера. Такъ мы

жили охотой, промыслами, мясомъ своихъ стадъ, какъ живете теперь вы. Въ одинъ годъ, когда мы были въ сборѣ на берегахъ одной лѣсной рѣчки, вдругъ появилась большая черная туча. Когда она приблизилась, мы увидѣли, что это не туча, а стая вороновъ. Такой огромной стаи вороновъ мы никогда не видывали въ нашей землѣ. «Быть худу!» говорили старики, и точно: за стаей вороновъ появились отряды бородатыхъ людей съ странными орудіями въ рукахъ Мы и раньше видѣли этихъ, бородатыхъ, оборванныхъ людей... По два, по три человѣка бродили они по окраинамъ нашей земли, но оставались въ ней не долго. Порывшись въ землѣ, они уходили и не дѣлали намъ зла... Но тогда за тучей вороновъ они явились въ такомъ большомъ количествѣ, что мы испугались и послали къ нимъ пословъ спросить, зачѣмъ они пришли въ такомъ большомъ числѣ. «Наша земля», говорили мы, «не можетъ прокормить такъ много людей». Но они только смѣялись, слушая наши рѣчи и начали рубить лѣсъ. За ними во слѣдъ черезъ мѣсяцъ пришли другіе отряды людей русскихъ и якутовъ съ лошадьми и закипѣла тогда у нихъ работа! Одни рубили лѣсъ, другіе возили бревна, третьи строили дома и черезъ 5—6 мѣсяцевъ тамъ, гдѣ была непроходимая чаща, гдѣ прятались соболи и лисицы по норамъ, медвѣди по берлогамъ—простирались расчищенныя поляны и высились бревенчатыя избы. Отъ времени до времени мы посылали лазутчиковъ посмотрѣть, что дѣлаютъ бородатые люди и къ ужасу своему узнавали, что они не думаютъ уходить изъ нашей земли, а рѣшились прочно засѣсть въ ней и уже начали прорубать до-

рогу къ своимъ домамъ отъ той лѣсной рѣчки, гдѣ мы дѣлали лѣтнія собранія. Вскорѣ по этой дорогѣ, когда установилась зима, повезли разные товары: чай табакъ, мясо, хлѣбъ, рыбу, а на слѣдующую весну бородатые люди взяли въ руки свои орудія, вошли въ ложбину высохшей рѣчки и, стоя въ водѣ по колѣна, рыли землю, другіе рыли землю по горѣ, рыли землю вездѣ, гдѣ раньше жили наши кормильцы соболи, лисицы и медвѣди.

Разсказчикъ умолкъ на мгновеніе, но заинтересованные слушатели горѣли нетерпѣніемъ узнать, что будетъ дальше.

— Чего же искали они въ землѣ? спросилъ кто-то.

Поликанъ вынулъ откуда то изъ-подъ рубахи крохотный ровдужный мѣшечекъ, развязалъ его и вытряхнулъ его содержимое на ладонь, которую онъ вытянулъ впередъ, такъ что бы на нее упали лучи солнца. Ладонь заблестѣла. Головы слушателей, сидѣвшихъ поближе къ разсказчику, нагнулись надъ ладонью.

— Этотъ порошокъ выкапывали изъ нашей земли бородатые люди. Они называютъ его золото. Ради него они бродили по колѣна въ холодной водѣ, спускались въ глубокія ямы подъ землей. А мы не знали цѣны этому блестящему порошку, какъ вы теперь, и удивлялись, какъ люди могутъ принимать такія муки ради добычи, которой нельзя ѣсть, пить, которой нельзя согрѣться отъ холода. Но мы не знали еще, что въ этомъ порошкѣ таится страшная сила, что онъ дѣлаетъ людей безумными!

Вы думаете, счастливы были люди, которые ради блестящаго порошка отняли у насъ рощу, гдѣ были

наши лучшіе промыслы? Они были несчастны. Прежде всего между ними не было ни мира, ни любви, ни согласія. Одни изъ бородатыхъ людей копали землю, а другіе съ оружіемъ въ рукахъ зорко смотрѣли за ними, чтобы они не утаили хоть крупицу порошка. Одни ненавидѣли другихъ и какъ звѣри готовы были разорвать другъ друга. Рывшіе земли иногда падали отъ усталости; тогда ихъ уносили въ большой домъ съ рѣшетками въ окнахъ. Рѣдко кто изъ заболѣвшихъ выходилъ изъ этого дома живымъ: каждый день оттуда выносили въ деревянныхъ ящикахъ мертвецовъ и закапывали въ землю. О, наша земля не видѣла сначала вѣковъ такой злобы, какая была между людьми, копавшими блестящій порошокъ, наши лѣса не слышали такихъ проклятій и стоновъ! Одни люди били другихъ связками прутьевъ, прикладами ружей, ременными плетьми, запирали въ домики, похожіе на ящики, и морили голодомъ... Мы не понимали, кто беретъ себѣ блестящій порошокъ, который скрывала въ себѣ наша земля... Трудно было понять намъ это: если бы они по—братски дѣлились своей добычей, какъ мы своей, между ними не было бы такой злобы. „Для кого вы работаете? спрашивали мы людей, роющихъ землю. Всѣ жестокіе порядки и обычаи пришельцевъ удивляли насъ; наши головы не могли понять чужихъ обычаевъ, пока мы хранили родные обычаи... А какое пьянство шло между пришельцами! Они выпивали море огненной воды. Цѣлыя сотни людей занимались только тѣмъ, что тайно подвозили людямъ, копающимся въ землѣ, водку. Казаки съ заряженными ружьями бродили кругомъ по тайгѣ и убивали людей, носящихъ

огненную воду, а они шли и шли и не было имъ перевода! Каждый день находили въ окрестностяхъ построекъ пришельцевъ, застрѣленныхъ, зарѣзанныхъ, задушенныхъ людей. Безъ оружія никто не рѣшался выходить на ружейный выстрѣлъ отъ домовъ... Всякій человѣкъ видѣлъ въ другомъ врага. Среди пришельцевъ не было дружбы: часто въ сумеркахъ одинъ человѣкъ подстерегалъ другого, котораго онъ еще вчера называлъ другомъ, съ ножемъ въ рукахъ, если зналъ, что у него есть золото. Одинъ старикъ насчиталъ 200 человѣкъ убитыхъ и умершихъ въ одно лѣто... Такъ боги нашей земли мстили пришельцамъ за то, что они разрывали грудь нашей кормилицы, питавшей наши стада. Но они не могли спасти отъ погибели насъ...

— Охъ! вырвалось изъ груди слушателей.

— Соболи и лисицы убѣжали дальше на сѣверъ послѣ вторженія бородатыхъ людей въ нашу землю: Если бы мы убѣжали за ними и никогда не возращались къ пришельцамъ, это спасло бы насъ отъ погибели. Но насъ тянуло что то смотрѣть, какъ живутъ чужіе люди на нашей землѣ. Мы познакомились съ ними поближе: огненная вода привлекла насъ въ ихъ предательскія объятія. Мы уже рѣдко ходили на встрѣчу купцамъ, съ которыми были дружны наши отцы, мѣнять мѣха на нужные намъ товары. Мы пропивали лисицъ и бѣлокъ пришельцамъ, кормили ихъ за водку мясомъ нашихъ стадъ и дошли до того, что начали продавать имъ наше единственное богатство— оленей... Они возили себѣ на оленяхъ лѣсъ для своихъ построекъ. Разъ какъ то старшина пришель-

цевъ, какой то важный начальникъ, пріѣхалъ къ намъ и созвалъ всѣхъ почетныхъ членовъ нашего рода, предложилъ имъ черезъ переводчика якута возить на оленяхъ лѣсъ для пришельцевъ и за это обѣщалъ давать намъ нужные товары. Одни изъ нашихъ соглашались, другіе нѣтъ. Но онъ далъ огненной воды и всѣ согласились. И вотъ тогда, ѣздя ежедневно на работу въ стойбища пришельцевъ, наши жены, юноши и дѣти, забывъ преданья отцовъ, вошли въ тѣсныя сношенія съ пришельцами и переняли отъ нихъ все худое и ничего хорошаго... Ибо что можетъ быть хорошаго отъ того, что дѣти оставляютъ промыслы отцовъ?

— Вѣрно!

— Скажу ли дальше, что было или замолкну, чтобы сердце не трепетало въ груди, не сжималось мучительной болью, не надрывалось тихимъ плачемъ по погибшихъ братьяхъ моихъ? О, народъ мой! Ты исчезъ какъ утренній туманъ надъ рѣкою, не оставивъ по себѣ слѣдовъ... Только я одинъ оплакиваю тебя, одинокій, всѣми покинутый, какъ подстрѣленный дѣтенышъ изъ стаи гусей...

— Мы будемъ оплакивать его вмѣстѣ съ тобой, Неликанъ! Мы утѣшимъ тебя.

— Благодарю... Слушайте же о гибели нашего рода. Пусть еще разъ сочится кровь изъ старой раны моего сердца! Золото ослѣпило насъ, какъ нашихъ пришлыхъ сосѣдей, хотя мы не знали ему цѣны. Мы обезумѣли, какъ наши совратители; дѣти перестали повиноваться отцамъ, жены—мужьямъ и начали жить съ пришельцами, продавать имъ свои женскія ласки... Старики-отцы еще крѣпились и держались старыхъ

обычаевъ, но дѣти, тѣ стали ни тунгусы, ни русскіе: отъ промысловъ и охоты отбились, къ занятіямъ русскихъ не привыкли, не умѣли хорошо ни охотиться на звѣрей, ни добывать въ землѣ блестящій порошокъ Большая часть нашихъ доставляла пришельцамъ дрова для ихъ работъ. Заработки были хорошіе и мы не знали нужды и имѣли всего вдоволь. Но эта легкая жизнь была намъ дана какъ бы для того, чтобы мы изнѣжились и, когда придетъ година бѣдствій, не съумѣли бороться съ нуждою. Мы узнали хорошо цѣну деньгамъ, но не умѣли съ ними обращаться и когда намъ попадались въ руки деньги, мы покупали на нихъ всякую бездѣлицу, съ которой тоже не умѣли обращаться: часы, кольца, игрушки... Свои старинные костюмы мы мало по малу оставили и надѣли русскую одежду. Смѣшно видѣть тунгусовъ, одѣтыхъ такими шутами! Но мы гордились; намъ казалось, что мы стали во всемъ похожими на русскихъ, только потому, что мы надѣли одежду одинаковую съ ихъ одеждой. Многіе изъ насъ научились играть въ карты, обманывать, лгать... Есть-ли что постыднѣе для тунгуса, чѣмъ ложь? И боги, которыхъ мы оставили, оставили насъ. Ни одинъ не поддержалъ насъ въ дни возмездія.

Началось съ того, что у насъ пропали всѣ олени, отъ невиданной нами прежде болѣзни. Они вдругъ стали паршивѣть и гибнуть сотнями. Не на чемъ было доставлять лѣсъ; намъ приходилось или уходить пѣшкомъ, или на лыжахъ, въ дальніе лѣса и жить промыслами отцовъ или рыться въ землѣ, согнувши спину... И вотъ тогда многіе изъ нашихъ (о стыдъ!) поддались соблазну и нанялись въ лазутчики къ рус-

скимъ, взялись слѣдить за людьми, которые тайно проносили рабочимъ водку... Тунгусы, рожденные для того, чтобы промышлять звѣрей, начали промышлять людей. Такъ золото вскружило имъ головы! Въ тоже время насъ самихъ поразила страшная болѣзнь, перешедшая къ намъ отъ пришельцевъ. Вы знаете ее, но вы не видывали ее здѣсь въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ. У заболѣвшихъ ею, въ особенности у тѣхъ, кто пилъ много водки, отваливались носы и губы... Не было, кажется, ни одной семьи, на которую не наложила болѣзнь свою страшную печать. Тогда пропившій все свое богатство, голодный, лишенный стадъ народъ нашъ вспомнилъ о жизни и обычаяхъ своихъ предковъ, но для большинства уже было поздно! Въ какихъ нибудь 20 лѣтъ болѣзни, пьянство и голодъ истребили большую половину рода... Остальные разбѣжались въ разныя стороны. Но болѣзни гнались за ними по пятамъ и настигали ихъ въ глубинѣ тѣхъ лѣсовъ, гдѣ мирно и безбѣдно жили ихъ предки. Дѣти не умѣли найти добычи тамъ, гдѣ находили отцы. Духъ промысловъ отвернулся отъ нихъ, потому что они перестали быть добрыми и справедливыми, какъ онъ и вмѣсто того, чтобы кормить ближнихъ научились отъ пришельцевъ вырывать ближнему изо рта послѣдній кусокъ. Они возвращались опять къ пришельцамъ, съ которыми такъ дружили, когда были сыты, но тѣ, ласкавшіе ихъ сытыхъ и богатыхъ, оттолкнули ихъ голодныхъ и нищихъ. У нихъ не было оленей возить дрова, а копаться въ землѣ они не умѣли!

Но не всѣ среди людей жемиконскаго рода были такъ безумны, чтобы промѣнять свободу и просторъ

на жалкую жизнь изъ милости пришельцевъ. Было нѣсколько человѣкъ, которые соблюдали старинные обычаи и любили трудовую, но свободную жизнь отцовъ По они не могли остановить весь родъ на краю пропасти. Они удалились въ другія земли, пошли въ южныя горы къ теплому морю, потому что наша земля скоро покрылась цѣлою сѣтью такихъ стойбищъ, гдѣ пришельцы добывали золото. Пріискъ за пріискомъ открывали жадные пришельцы на нашей землѣ, тысячи здоровыхъ, рослыхъ бородатыхъ людей приходили туда копать золото, умирать и убивать другъ друга Они шли и шли безостановочно. Откуда только брались они? Испуганные звѣри убѣжали, совсѣмъ покинули нашу землю. Вмѣстѣ съ немногими людьми, помнившими завѣты предковъ, удалился и я. Дѣти мои всѣ умерли, осталась только старуха. Я нанялся въ пастухи къ купцу, переѣхалъ въ верховья Джангы, а оттуда попалъ къ вамъ... Изъ родныхъ лѣсовъ я вывезъ съ собою этотъ золотой порошокъ... Проклятый порошокъ! Ты погубилъ мой родъ... Тебя, видно, заклялъ какой нибудь волхвъ, страшный врагъ нашего племени и избралъ тебя орудіемъ своей мести. Сотни лѣтъ ты лежалъ заклятый въ мерзлой могилѣ.. Но явились изъ далекой чужой земли люди, вырыли тебя изъ земли, вынесли на солнечный свѣтъ цѣною слезъ и жизней человѣческихъ, и вотъ наше племя погибло...

Пеликанъ разжалъ ладонь Всѣ съ невольнымъ чувствомъ суевѣрнаго страха устремили взоры на порошокъ, который грозитъ такой несчастной участью ихъ племени.

— У нас, въ нашей землѣ, нѣтъ этого порошка, сказалъ кто то съ чувствомъ облегченія.

— Дай Богъ, замѣтилъ на это Целиканъ, чтобы ваши внуки избѣжали участи, постигшей нашъ родъ. Но я думалъ печальныя думы, когда за горами Тасъ-Хаятахъ я нашелъ на днѣ рѣчки крупицы того же порошка. Пока его не трогаютъ, онъ безвреденъ и никому не приноситъ зла. Но разъ его вынутъ изъ могилы и пустятъ по землѣ, онъ мститъ и дѣлаетъ зло всѣмъ, черезъ чьи руки проходитъ... Настанетъ время, когда жадные пришельцы найдутъ его и здѣсь... Развѣ и теперь золотыя крупинки не попадаются во внутренностяхъ рыбъ горныхъ рѣчекъ? Когда его найдутъ, онъ поразитъ безуміемъ всѣхъ, кто притронется къ нему... И тогда вспомните и передайте дѣтямъ вашимъ слова стараго Целикана, оплакивающаго свой родъ: спасенье нашего племени бѣжать отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ копать золото, бѣжать туда, куда убѣгутъ звѣри... Страшная это вещь пойти въ работники къ чужимъ людямъ! Теперь многіе изъ тунгусовъ нанимаются въ пастухи къ чукчамъ. Но чукчи добрые: кто послужитъ у нихъ нѣсколько лѣтъ, заводитъ собственное стадо оленей. Не таковы пришлые люди; разъ ты пошелъ къ нимъ въ работники, прощайся съ волей на вѣки! Не будешь свободнымъ, никогда не выбьешся на волю; будешь нищимъ до гроба! Лучше умереть на свободѣ въ родныхъ лѣсахъ, чѣмъ жить и рыться весь вѣкъ въ землѣ!... Целиканъ замолкъ.

Всѣ гости въ раздумьи начали расходиться. Въ этотъ день вечеромъ не было пляски. Охотники были

задумчивы и не расположены къ шуткамъ и смѣху. Всякій думалъ свои думы. Не одному изъ промышленниковъ, собравшихся въ тотъ годъ на рубежѣ чукотской земли, у края лѣсовъ, мерещились во снѣ безотрадныя картины гибели жемиконскаго рода, забывшаго обычаи и завѣты предковъ, мерещилось грозное нашествіе бородатыхъ людей, выкапывающихъ изъ нѣдръ тунгусской земли заклятый, блестящій порошокъ, который мститъ за прикосновеніе къ себѣ, дѣлаетъ зло всѣмъ, черезъ чьи руки приходитъ и сѣетъ въ пустынныхъ лѣсахъ, гдѣ въ любви и согласіи жили мирные звѣроловы—смерть, ненависть и зло...

V.

„Бабушка-оспа" и гибель тологонскаго рода.

Поспѣшно шли тунгусы отъ восхода къ закату, отъ горной страны въ низовые лѣса, чтобы во время придти на край лѣсовъ, гдѣ ожидалось собраніе рода, а оттуда опять повернуть къ востоку и посѣтить чукотскую ярмарку. Приблизились тунгусы тологонскаго рода къ границамъ якутской земли, что за сѣверными отрогами Станового хребта. Тутъ, ихъ остановили страшныя вѣсти: имъ навстрѣчу шла „Бабушка-оспа" отъ заката къ сѣверо-востоку. Когда подошли передовые тунгусы къ рѣчкѣ Быстрой, изъ прибрежныхъ кустовъ выбѣжали два человѣка въ мѣховыхъ лохмотьяхъ, съ дико вытаращенными глазами. Они посмотрѣли на подходившихъ и бросились бѣжать отъ нихъ. Юноши сѣли на оленей, поскакали за бѣжавшими людьми и догнали ихъ. Бѣжавшіе люди были якуты.

— Зачѣмъ вы бѣжали отъ насъ? спросили тунгусы.

Долго пойманные люди въ лохмотьяхъ не могли сказать ни слова. Потомъ одинъ изъ нихъ началъ плакать, а другой сказалъ по-якутски:

— Мы жили на озерѣ Щучьемъ. Двадцать два дома было на озерѣ, теперь не осталось ни одного. Погибли люди въ юртахъ, погибли коровы въ хатонахъ*), потому что некому было выпустить ихъ оттуда на свѣтъ Божій. Кони разбѣжались по полямъ и одичали... Всѣ сразу заболѣли. Кто не заболѣлъ, тотъ бѣжалъ въ лѣса, но гибель шла по ихъ слѣдамъ. Кто не умеръ въ юртѣ, тотъ умеръ на снѣгу въ лѣсу. Мы сами дивимся тому, что еще живы до сихъ поръ... Мы блуждаемъ вокругъ нашего озера, и боимся возвратиться въ наши юрты: тамъ лежатъ покойники и некому зарыть ихъ въ землю и некому плакать по нимъ. Пустите насъ, пустите: мы не хотимъ умирать. Насъ мало: старуха-оспа насъ прозѣвала; васъ много —она не прозѣваетъ васъ: увидитъ васъ и убьетъ насъ вмѣстѣ съ вами...

Пораженные, застывшіе, какъ каменныя изваянія на своихъ оленяхъ, тунгусы слушали эти слова и не вѣрили своимъ ушамъ.

Мало по малу подходили тунгусы, идущіе сзади, и вскорѣ весь караванъ столпился около бѣглецовъ изъ поселка на озерѣ Щучьемъ, пораженнаго гнѣвной рукой бабушки-оспы.

— Отпустите ихъ, сказалъ одинъ старый тунгусъ, а то она придетъ за ними.

*) Хатонъ—юрта, гдѣ держатъ коровъ; хлѣвъ.

Бѣглецамъ дали сушенаго оленьяго мяса и отпустили ихъ, куда глаза глядятъ. Потомъ пожалѣли о томъ, что дали имъ мяса, точно боялись, чтобы по этому мясу бабушка не узнала о нихъ и не пришла къ нимъ. Но страшная старуха нашла ихъ.

Собрались родовичи, разбили свои палатки надъ рѣкою, въ небольшихъ разстояніяхъ одна отъ другой, выгнали оленей на пастбище и собрались на совѣщаніе вокругъ костра въ просторной палаткѣ Өедота Сантая. Выслушаны были мнѣнія стариковъ. Эти мнѣнія раздѣлились. Одни говорили, что надо повернуть на востокъ, удалиться отъ мѣстъ гибели, отъ мѣстъ, гдѣ гоститъ бабушка, пока она не замѣтила ихъ.

— Вы говорите, какъ неопытныя дѣти, возражали имъ другіе; откуда вы знаете, что она не замѣтила васъ? Бабушку провести трудно и убѣжать отъ нея невозможно. Ни въ горахъ, ни въ тундрахъ, ни на берегу моря нѣтъ отъ нея надежнаго убѣжища. Она приходитъ и беретъ себѣ тѣхъ, кто ей отданъ. А когда люди хотятъ перехитрить её, она приходитъ въ ярость и беретъ всѣхъ. Лучше не гнѣвить её...

Собраніе разошлось по своимъ домамъ, ничего не рѣшивъ. Не былъ выработанъ общій опредѣленный образъ дѣйствій; всѣ думали, что еще достаточно времени потолковать объ этомъ. Но бабушка доказала, что всѣ совѣщанія излишни. Въ ту же ночь во многихъ палаткахъ уже метались въ бреду больные; красная сыпь выступала на лицахъ и на тѣлѣ заболѣвшихъ. Не оставалось сомнѣнія, что бабушка ворвалась въ стойбища тунгусовъ и намѣтила себѣ жертвы...

Суевѣрный страхъ напалъ на людей. Откуда пришла болѣзнь такъ скоро, такъ неожиданно? Она шла подъ землей, или летѣла по небу. Люди еще здоровые и невредимые начали бредить съ открытыми глазами, на яву. Многіе увѣряли, что они видѣли какія то тѣни, скользящія по горамъ, какъ будто ночь ложилась на землю среди бѣлаго дня... Другіе видѣли бабушку старушечьими шагами, съ палкою въ рукахъ, пробирающуюся подъ деревьями.

Три дня простояли родовичи на одномъ мѣстѣ, не рѣшаясь ни бѣжать въ разныя стороны, ни двигаться впередъ. Въ эти три дня умерло 13 человѣкъ изъ семи семей, стоявшихъ лагеремъ на берегахъ рѣчки Быстрой. Страхъ вселился въ сердца даже самыхъ смѣлыхъ промышленниковъ, выходившихъ на медвѣдя одинъ на одинъ. Страхъ еще болѣе увеличивался странными разсказами о старухѣ-оспѣ, циркулировавшими по лагерямъ.

— Лежу я, разсказывалъ одинъ тунгусъ, у котораго умерла ночью жена, на своей постели и гляжу на костеръ, мерцающій по срединѣ. Вдругъ поднимается пола палатки и входитъ старуха вся въ красномъ и садится у костра. Сѣла и вперила свои горѣвшіе огнемъ глаза въ тотъ уголъ, гдѣ лежала моя больная жена. У меня въ головахъ была винтовка, но я не подумалъ о ней... Сердце у меня затрепетало, какъ подстрѣленный звѣрь. Какъ бы я былъ радъ, если бы вмѣсто страшной старухи вошелъ въ пологъ медвѣдь!... Потомъ старуха взглянула на меня и я весь похолодѣлъ. Развѣ дрожалъ я отъ страха когда нибудь въ моей жизни? Рука моя, державшая ножъ или винтов-

ку, никогда не тряслась даже тогда, когда звѣрь, поднявшись на заднія лапы, яростно размахивалъ лапами надъ моей головой... А теперь я задрожалъ и какъ бы уснулъ подъ взглядомъ старухи.. Все тѣло мое заснуло, не заснули только глаза и уши. „Не бойся", сказала она мнѣ, „я возьму тѣхъ, кто мнѣ нуженъ, а остальныхъ оставлю тебѣ"... Потомъ она махнула рукой и исчезла; куда—не знаю... Только искра взвилась вверхъ отъ костра и погасла... Я поднялся, подошелъ къ женѣ: она была мертвая...

Вторично собрались на совѣщаніе начальники семей. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ они рѣшили удалиться, разойтись въ разныя стороны, чтобы не заражать другъ друга. Можетъ быть бабушка не съумѣетъ преслѣдовать всѣхъ сразу, если они не будутъ кочевать вмѣстѣ, а разбѣгутся врозь.

— Соберите оленей, сказалъ людямъ Сантай, снимите палатки и разойдитесь по разнымъ угламъ земли. Пусть одинъ изъ насъ не знаетъ о другомъ, чтобы не увеличивать печали и страха... Не надо бояться старухи, не надо ея проклинать. Можетъ быть она будетъ милостива къ намъ. Бороться съ нею мы не можемъ. Даже русскіе, которыхъ Богъ сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ нашихъ боговъ, не могутъ бороться съ нею... Будемъ ждать отъ нея милости. Когда минуютъ дни испытаній, опять соберемся къ лѣту на берегахъ рѣчки Горной, у края лѣсовъ, сосчитаемъ погибшихъ и оставшихся...

И родовичи разбѣжались въ разныя стороны земли и оповѣстили другихъ, еще не знавшихъ ничего о бѣдствіяхъ, постигшихъ родъ „Неужели, думали они про

себя убѣгая", старуха имѣетъ сто глазъ, сто ушей, что она можетъ видѣть насъ въ заросляхъ и лѣсахъ, слышать топотъ стадъ въ горныхъ ущельяхъ?"

Но она слѣдовала за ними неотступно. Случалось, что палатку еще могли разбить заболѣвшіе промышленники, а снять палатку некому... всѣ успѣвали умереть и большіе и малые... Некому было смотрѣть за стадами оленей: они разбѣгались и становились дикими... Грудные дѣти умирали съ голоду или замерзали, если на мѣсто гибели не приходила другая семья и не брала себѣ сиротъ и оленей погибшей семьи.

Немногіе уцѣлѣли.

Скоро во многихъ мѣстахъ обширной земли тологонскаго рода, въ мѣстахъ промысла, гдѣ прежде раздавались пѣсни, веселые крики пирующихъ, гдѣ купецъ Аѳанасій Ивановичъ, продавая огненную воду, составлялъ себѣ капиталъ—стояли стойбища мертвыхъ. Не вился надъ ними дымъ, не было видно оленей, не было слышно шума голосовъ, стука топора... Это были какія то угрюмыя, страшныя, лѣсныя кладбища. Волки рыскали вокругъ нихъ и выли, стаи вороновъ, зловѣще каркая, кружились надъ ними. Всякій проходившій мимо тунгусъ, слышавшій этотъ вой и карканье, зналъ, что тамъ гдѣ раздаются они, погостила бабушка-оспа.

Люди, стоящіе на болѣе высокой ступени развитія, вступавшіе въ сношенія съ дикими бродячими инородцами для того, чтобы пріобщить ихъ къ своей вѣрѣ и культурѣ, не могли спасти ихъ отъ свирѣпой безжалостной бабушки. Въ то время еще не была организована въ дальнихъ окраинахъ прививка оспы

инородцамъ; не было желающихъ заняться этимъ дѣломъ. Всѣ русскіе обитатели того края готовы были ѣздить къ бродячимъ инородцамъ торговать, но никто не хотѣлъ ихъ лѣчить. Они проявляли энергію и дѣятельность, когда имъ нужны были инородцы для того, чтобы разбогатѣть, а въ годину тяжелыхъ бѣдствій никто не поѣхалъ къ нимъ поддержать ихъ совѣтомъ, лѣченіемъ Они спокойно допускали чтобы инородцы вымерли и не пытались воспрепятствовать этому. Но если инородцы вымрутъ, кто будетъ ловить песцовъ и лисицъ и продавать имъ за огненную воду?

А между тѣмъ огромное вліяніе могли бы пріобрѣсти русскіе люди среди инородцевъ, если бы они помогли имъ во время эпидеміи пищею, совѣтомъ, лѣченіемъ. Но на такой подвигъ были способны только такіе люди, какъ о. Серафимъ монахъ, неравный среди равныхъ, не щадившій своихъ силъ, чтобы сообщить свѣтъ истины „малымъ симъ", въ которыхъ онъ видѣлъ людей, ближнихъ, а не добытчиковъ пушнины. О. Паисій не показывался ни въ лѣсахъ, ни въ тундрахъ во время эпидеміи. Долго спустя послѣ того, какъ она окончилась, явились къ нему старосты тѣхъ родовъ, которыми завѣдывалъ онъ, принесли ему бѣлокъ и сообщили ему, какъ доброму пастырю, сколькихъ приблизительно душъ лишился его бродячій приходъ.

Ѳедотъ Сантай покочевалъ къ сѣверу для того, чтобы быть ближе къ чукчамъ. Съ тяжелымъ чувствомъ шелъ онъ, какъ человѣкъ, стоящій на краю бездны, куда каждую минуту непредвидѣнный случай, неосторожный шагъ могъ столкнуть его.. Небо, казалось, давило его, земля какъ бы колебалась подъ его нога-

ми. Его семья, какъ и семьи всѣхъ кочевавшихъ съ нимъ, таяла. Похоронивъ въ одномъ мѣстѣ дѣтей или родственниковъ онъ шелъ дальше... все шелъ впередъ, хотя и зналъ, что отъ оспы никуда не убѣжишь. Онъ точно хотѣлъ послѣдній разъ въ жизни осмотрѣть землю отцовъ, бросить на нее прощальный взглядъ.

Невесело было въ палаткѣ Өедота, гдѣ нѣкогда въ углу помѣщался кабачекъ Аөанасія Ивановича, вокругъ котораго безпечно веселились тунгусы. На всѣхъ лицахъ членовъ семьи Өедота было выраженіе печали, тупой покорности судьбѣ. Охота и промыслы были оставлены; семья жила оленьимъ мясомъ, за оленями ухаживали: жалко было бросить стадо на произволъ судьбы. Никто не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ... жизнь въ стойбищахъ тунгусовъ какъ бы остановилась, застыла.

Такъ прошелъ остатокъ весны. Снѣгъ растаялъ, ожили, оттаяли деревья, покрылись зелеными листьями, зацвѣли мхи и травы—наступило лѣто.

Разъ, когда караванъ Өедота, проходя по долинѣ, расположился на берегу большого озера, начинавшагося у края лѣсовъ и кончавшагося на тундрѣ, раздался на озерѣ плескъ весла, причалила къ берегу лодка, изъ лодки вышелъ человѣкъ, якутъ, и подошелъ къ костру, вокругъ котораго сидѣли уцѣлѣвшіе члены семьи Өедота. Сидѣвшіе молча потѣснились и дали незнакомцу мѣсто у огня.

— Ты убѣжалъ отъ нея, спросилъ по-якутски Өедотъ.

— Я убѣжалъ отъ горя, отвѣтилъ незнакомецъ. Всѣ наши померли, я одинъ остался и ждалъ. Она меня

не брала и я ушелъ.. Развѣ я одинъ могъ похоронить всѣхъ... а они всѣ начали портиться и гнить... Тогда я взялъ сѣти и ушелъ сюда, на озеро..

Гостю подали кусокъ мяса. Онъ съ жадностью сталъ его ѣсть.

— Разскажи намъ, началъ Ѳедотъ, про свое горе. Уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали встрѣчать живыхъ людей. Намъ попадались лишь палатки мертвыхъ. Не съ кѣмъ было перемолвиться словомъ, подѣлиться мыслію. Мы не могли жаловаться людямъ, а жаловались одному Богу. „Неужели, говорили мы богамъ, вы хотите, чтобы мы всѣ до единаго погибли? Если погибнемъ, кто будетъ молиться вамъ, кто принесетъ вамъ жертвы?“

— Я жилъ въ селеніи мертвыхъ, началъ разсказывать незнакомецъ, окончивъ ѣсть, пока было холодно и они были мерзлы. Зимою, когда солнце спряталось, всѣ были живы въ нашемъ селеніи, весною, когда солнце опять вышло на небо, всѣ были мертвы... Никто изъ нашихъ не увидѣлъ солнца! Если бы я былъ въ силахъ, я бы повыносилъ всѣхъ изъ юртъ, положилъ бы на снѣгъ, повернувъ лицомъ къ солнцу, чтобы они были обращены къ солнцу мертвыми очами, чтобы солнце освѣтило и согрѣло своимъ свѣтомъ ихъ мертвыя лица; а потомъ я предалъ бы ихъ землѣ. Но развѣ я могъ сдѣлать одинъ, безъ помощи другихъ людей? Мои глаза распухли отъ слезъ, руки высохли отъ горя, какъ тальничные прутья...

Бабушка пришла къ намъ въ Михайловъ день *) и сразу зашла во всѣ юрты. Ей такъ понравилось тамъ,

*) 8 ноября.

что она не выходила оттуда. Многіе изъ нашихъ, кто помоложе и посмѣлѣе, убѣжали въ лѣса. А бабушка говорила оставшимся: „безумные! не всѣ они были отданы мнѣ, я взяла бы изъ нихъ моихъ людей, а остальныхъ не тронула бы, теперь они погибнутъ всѣ за то, что утруждаютъ меня, и теперь они лежатъ мертвые въ тальникахъ на такомъ то озерѣ". Были такіе среди насъ, что шли посмотрѣть, что сталось съ бѣглецами; и точно они лежали мертвые тамъ, гдѣ указала старуха. . Изъ моей семьи не убѣжалъ никто: гостившій у насъ подгородній человѣкъ, пережившій уже разъ оспу, сказалъ намъ: „не убѣгайте, старайтесь лучше понравиться бабушкѣ„. Чего мы не дѣлали, чтобы понравиться ей: накроемъ столъ въ почетномъ углу, подъ образами, на столъ положимъ пищу, все лучшее, что у насъ есть; закроемъ все это чистою скатертью и ждемъ времени, когда станетъ темно въ юртѣ. Когда настанетъ вечеръ на дворѣ, звѣзды выйдутъ на небо и освѣтятъ снѣга, а небо сдѣлается чистымъ, точно умылось и смыло тучи, покрывавшія его днемъ, откроется тогда дверь, войдетъ бабушка, подойдетъ къ столу, подыметъ скатерть и сядетъ у стола. А мы станемъ на колѣни, и, протянувъ къ ней руки, молимъ о пощадѣ: „Бабушка пощади насъ! Бабушка, угостись!" И бывало, что поѣстъ, но немного.

Не только въ моей семьѣ, но во всѣхъ юртахъ такъ принимали старуху; въ нѣкоторыхъ и водку ставили ей. И что же? Она не пощадила насъ: значитъ не могла... Одинъ за другимъ тухли камельки въ юртахъ, некому было растопить ихъ: дымъ не шелъ изъ трубъ, онѣ покрылись инеемъ. Въ одинъ день рано, послѣ

того, какъ всѣ мои умерли, а ихъ было четверо душъ, и я вынесъ ихъ въ амбаръ, чтобы они не портились отъ тепла, вышелъ я на дворъ умыться снѣгомъ, освѣжить заплаканныя очи, глянуть ими на свѣтъ Божій. Я окинулъ взглядомъ всѣ юрты, что были вокругъ озера—ни одна не дымилась! Сердце чуть не выскочило у меня изъ груди: я былъ одинъ живой человѣкъ среди селенія мертвыхъ... До меня донеслось мычанье коровъ, запертыхъ по хотонамъ тѣхъ хозяевъ, которые заболѣли, не успѣвъ выпустить скотъ. „Чѣмъ виновата скотина?“ подумалъ я и слабыми, трясущимися ногами побрелъ по берегу, разгородилъ ограды стоговъ, бывшихъ поближе, растворилъ хотоны и выпустилъ скотъ на волю „Но, можетъ быть еще не всѣ умерли“, подумалъ я. Какъ то страшно было мнѣ знать, что я одинъ живой человѣкъ среди мертвыхъ.

Я подождалъ до вечера и когда стало темно, вышелъ на дворъ и вновь посмотрѣлъ на юрты: ни изъ одной трубы не сыпались искры.. Сквозь слезы глядѣлъ я на землю, на небо; звѣзды, казалось, двигались и прыгали по небу... Луна свѣтила надъ озеромъ. „Для кого нужны эта луна и звѣзды? Я забылъ, что за нашими лѣсами лежатъ еще озера и рѣки, гдѣ живутъ другіе люди, которымъ тоже нужны солнце, луна и звѣзды, и снѣгъ и дождь... Я забылъ объ остальномъ мірѣ, а помнилъ только о своемъ родномъ озерѣ. На нашемъ озерѣ луна свѣтила для мертвецовъ: никто изъ нихъ не поѣдетъ болѣе по озеру, радуясь свѣту луны! „Можетъ быть, въ юртахъ еще кто нибудь живъ?“ эта мысль не давала мнѣ покоя всю ночь.

Утромъ я всталъ, съѣлъ кусокъ масла и пошелъ къ юртамъ сосѣдей, но заходить въ юрты боюсь. Видѣть мертвыхъ незачѣмъ; наглядѣлся я на нихъ у себя дома, похоронить я ихъ не въ силахъ, зачѣмъ же тревожить покойниковъ? Для этихъ бѣдныхъ людей собственные дома стали могилами, потому что некому было дать имъ могилы въ землѣ, на холмѣ надъ озеромъ, гдѣ было наше кладбище... Въ то время пришла мнѣ мысль надѣлать крестовъ и воткнуть въ снѣгъ на каждой юртѣ: а разъ такая мысль пришла мнѣ въ голову, значитъ она была послана мнѣ Богомъ и я долженъ былъ сдѣлать такъ, какъ она велѣла мнѣ. Я рѣшилъ привести ее въ исполненіе, если буду живъ. Какъ же убѣдиться, точно-ли всѣ померли въ юртахъ? Я подходилъ къ двери каждой юрты и стоялъ долго, ожидая, не послышиться ли плачь или стонъ, или крикъ. По вездѣ была тишина. Откуда было взяться крику? все молчало, даже огонь не говорилъ на очагахъ. Вдругъ въ одной послѣдней юртѣ, когда я подслушивалъ у двери, раздался плачь дитяти...

— Охъ! воскликнула жена Ѳедота.

— Одна только юрта не была могилой. Я вошелъ: кругомъ по оронамъ *) лежали мертвецы грязные, полунагіе, съ открытыми ртами, съ вытаращенными глазами, похожими на глаза замерзшей рыбы... Еще бы? Кто могъ имъ закрыть глаза? Въ углу около камина лежала мертвая женщина (бѣдная! она недавно еще вышла замужъ), обнявъ руками люльку. Изъ люльки доносился плачъ. Дитя, покрытое теплой заячиной, бы-

*) Оронъ — палатки въ юртахъ.

ло еще живое.. Я взялъ дитя вмѣстѣ съ люлькой и бросился изъ юрты вонъ. Дома я выдоилъ нашу корову, сшилъ соску изъ ровдуги и началъ кормить дитя... Это былъ мальчикъ съ живыми, ясными глазками. Все же мнѣ веселѣе было съ другимъ человѣкомъ. Я не былъ болѣе одинокъ на озерѣ мертвыхъ. Крикъ ребенка мнѣ былъ дороже табуна коней и мѣшка денегъ *).

Разсказчикъ умолкъ.

— Куда же дѣвался ребенокъ? спросила одна изъ женщинъ.

— Ребенокъ умеръ черезъ три дня и тогда я отнесъ его въ туже юрту-могилу, откуда я взялъ его и положилъ около матери, я не хотѣлъ быть виновникомъ разлуки въ могилѣ тѣхъ, которые было соединены въ жизни. Я опять остался одинъ, но не хотѣлъ бѣжать въ лѣса; я не боялся бабушки, а пищи у меня было вдоволь и я остался среди своихъ и оплакивалъ ихъ. Я надѣлалъ крестовъ, какъ задумалъ и водрузилъ ихъ на крыши юртъ; юрты стали похожи на могилы, а наше селеніе на кладбище. Я не хоронилъ своихъ родныхъ—ни отца, ни матери, ни сестры... Если схороню своихъ, думалъ я, что скажутъ души брошенныхъ безъ погребенія. Я жилъ со всѣми дружно, никого изъ нихъ не обижалъ живыхъ, а теперь не хотѣлъ обижать мертвыхъ. Я боялся ихъ трогать не потому, что боялся умереть, а такъ... не хотѣлъ смотрѣть на ихъ блѣдныя лица, открытые тусклые глаза... Былъ ли это страхъ, или жалость? Но вотъ

*) Мѣшокъ или быръ, мѣшокъ у якутовъ значитъ 100 руб.

снѣгъ началъ таять, появились лужи, прилетѣли водяныя птицы и стали воду пить изъ лужъ, пролетали надъ селеніемъ мертвыхъ, какъ въ прежніе годы пролетали надъ селеніемъ живыхъ. Солнце стало грѣть сильнѣе, согрѣтая трава зеленѣла, тальники покрылись листочками, запахли распустившіяся лиственницы, напоили воздухъ смолой. Стало такъ хорошо кругомъ, вездѣ и на водѣ и на землѣ стало весело, только въ моемъ сердце была печаль. Я точно не замѣчалъ ни яснаго неба, ни яркаго солнца, ни зеленыхъ береговъ озера... Эти берега, зеленые и блистающіе цвѣтами, были въ моихъ глазахъ такіе же, какъ и покрытые снѣгомъ. Все казалось мнѣ темно и черно: летѣли лебеди, а мнѣ было на сердцѣ такъ, какъ бы летѣли вороны; лебединыя пѣсни я принималъ за карканье воронъ. Когда солнце стало сильно грѣть, мертвецы начали портиться; свѣжій лѣсной вѣтерокъ свободно входилъ въ окна юртъ, откуда выпали льдины, а изъ юртъ выходилъ кислымъ, зловоннымъ, пройдя по мертвымъ тѣламъ. Тогда то я, взявъ съ собой лошадь, лодку, сѣти, топоръ, посуду и кое какіе запасы пищи, поклонился праху отцовъ и ушелъ изъ селенія мертвыхъ на это озеро, гдѣ живу до сихъ поръ. Я видѣлъ, какъ вы пришли, и тотчасъ поплылъ сюда.. Какъ я радъ видѣть живыхъ людей!

Съ щемящей тоской въ сердцѣ слушали тунгусы разсказъ незнакомца. А на озерѣ и въ лѣсахъ было такъ тихо и хорошо. Въ природѣ пустынной тунгузской земли была красота; только люди, слушавшіе печальный разсказъ якута, безучастно глядѣли на нее, какъ бы потерявъ способность любоваться ею. Они смо-

трѣли на небо съ какимъ то страхомъ; имъ казалось, что оно собирается сдѣлать что то страшное, послать на нихъ грозу, поразить ихъ несчастьемъ, какого они еще не испытывали въ жизни. Но небо дѣлало то, что дѣлало всегда въ ясные лѣтніе дни, по вечерамъ: оно зарумянилось; заходившее солнце покрыло его розовыми волнами; вышла на западѣ заря; другая показалась на востокѣ и онѣ подали себѣ руки. Казалось, что онѣ подали себѣ ихъ черезъ озеро, но всѣ знали что эти розовыя объятія обнимаютъ полміра, весь необъятный просторъ пустынныхъ приполярныхъ странъ.

— Хочешь, сказалъ Ѳедотъ якуту, оставайся у насъ, кочуй съ нами, пока мы живы, а надо будетъ умереть, умремъ вмѣстѣ.

Якутъ согласился.

-- Счастливый онъ человѣкъ, сказалъ Ѳедотъ почукотски женѣ. Пусть живетъ съ нами. Можетъ быть его счастье перейдетъ на насъ... Его одного изъ столькихъ обреченныхъ гибели судьба оставила въ живыхъ.

— Пусть остается, отвѣтила жена. По истинѣ онъ счастливъ, что среди такихъ мученій не умеръ съ печали.

Якуту дали одежду, обувь, оленя и онъ покочевалъ вмѣстѣ съ тунгусами. Но безжалостная бабушка не сжалилась надъ семьей Ѳедота ради счастливаго человѣка. Всѣ умерли, блуждая по лѣсамъ, и только глава семьи Ѳедотъ, Сантай и счастливый-якутъ, обитатель селенія мертвыхъ, явились на край лѣсовъ, на берега горной рѣчки, что на рубежѣ чукотской зем-

ли, и объявили собравшимся родамъ тунгусовъ страшную вѣсть о появленіи бабушки оспы въ тунгузской землѣ и о гибели злополучнаго тологонскаго рода.

Какъ дикіе олени, испуганные появленіемъ охотника, разбѣжались бродячіе инородцы по тундрамъ. Болѣзнь шла за ними во слѣдъ отъ запада къ востоку, отъ береговъ Лены до самого моря... Они вымирали цѣлыми семьями и никто не пришелъ къ нимъ на помощь.

А. К.

